

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Унионъ"
состоится
АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО
ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ утроч. вѣсѣ въ 6 страницъ

Состоится въ Концертномъ Залѣ
КОНЦЕРТЪ *Маріи Ивановны Долиной*
извѣстной артистк.
исполнител. "Соловьи"

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (66).

Май. 2007 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Памятник Бабелю в Одессе будет

Думаю, те, кто внимательно читает "Всемирные одесские новости" — бумажный вариант или в Интернете, — запомнили инициативу Всемирного клуба одесситов: воздвигнуть в Одессе памятник писателю, чье творчество популярно во всем мире, отождествляется с Одессой, с характером одесситов, с одесским языком, — памятник И.Э. Бабелю.

Идея такой инициативы принадлежит вице-президенту клуба Валерию Хаиту. И по откликам других газет, по отзывам одесситов всего мира можно сказать, что она оказалась плодотворной.

Особенно радует, что сразу же восприняла эту инициативу одесская городская власть. Городской голова написал распоряжение (оно появилось на официальном сайте города), где поддержал инициативу, дал распоряжение соответствующим службам открыть гривневые и валютные счета, для того чтобы все одесситы смогли принять участие в этом благородном проекте.

Как только будут объявлены номера счетов, а деньги необходимы для проведения международного конкурса, создания и установки памятника, Всемирный клуб одесситов проведет пресс-конференцию, объявит номера счетов на своем сайте — www.odessitclub.org, а также на сайтах и в газетах, выпускаемых одесситами в Германии, Израиле, США...

Мы по-прежнему убеждены, что долг Одессы перед памятью писателя еще не выполнен... Мы рады, что в 2007 году в Москве вышел наиболее полный четырехтомник произведений И. Бабеля, что фразы писателя цитируются чуть ли не ежедневно в русской и украинской периодике. Но мы, одесситы, помним свой долг перед памятью писателя.

Через три года исполнится 70 лет со дня гибели Бабеля в застенках НКВД. Сделаем все, чтобы в годовщину гибели писателя мы смогли подойти к его памятнику и возложить цветы — от себя, от Одессы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

За последние годы в Одессе появился ряд новых гостиниц. Среди них одной из лучших являются апартаменты "Одесский дворик".

Читайте об "Одесском дворике" на странице 13.

С удовольствием прочитал о встрече с Петром Подорожским. Это потрясающий режиссер и феноменальный музыкант. Я его обожаю. Жаль, что меня не было там. Если он захочет в следующий раз побывать в Америке, мы его можем принять.

Евгений Калинин, Вашингтон.

Здравствуйтесь!

Примите, пожалуйста, информацию о вступлении в клуб.

Моя жена и дочь из Одессы и в настоящее время проживают в Одессе. Я считаю, что Одесса один из самых прекрасных городов, которые мне довелось повидавать, и я хочу принять участие в росте и расцвете этого города.

Чарльз Рей.

Забрал на сайт, обдало теплом, всё и все знакомы до боли, город, который я вижу во сне...

А как номинируют на "почетного одессита"?

Ваш Игорь Резник.

Телеканал K1 выражает вам свое почтение и обращается с просьбой в организации съемок и поиске людей для документального проекта об оккупации. Отдельная серия посвящена Одессе. Нам нужны люди, которые пережили оккупацию в Одессе и могли бы об этом рассказать.

Подтемы:

- мирная жизнь в городе, развлечения, работа театров, кафе;
- жизнь в детском доме, который находился в одесских катках; нужен человек, который в то время жил там;
- взрыв в гестапо, воспоминания;
- история любви одесской девушки и румынского оккупанта;
- пресса в оккупационной Одессе, в том числе "Одесская молва" и "Одесская газета".

Просим вас о содействии и заранее благодарны.

С уважением, Мария Шкобич.

Здравствуйтесь, Леонид Менделеевич! Рада получить Ваше письмо и большое спасибо за фотографии, это мое первое знакомство с Клубом. Особенная благодарность за фразу "Бывших одесситов не бывает".

Немного о себе: возраст — 34 года (никогда его не скрываю: мои года — мое богатство). В настоящее время живу и работаю в Приморском крае, Перейский район, пгт. Пластун.

Работаю старшим инспектором Центра занятости населения.

Работа очень нравится, потому что связана с общением и с реальной помощью людям.

В Одессе проживала до 1994 года, училась в Одесском гидрометеорологическом институте, потом вышла замуж и "вслед за мужем и романтикой" уехала на Дальний Восток.

Здесь окончила Дальневосточный государственный технический университет по специальности "туризм". Люблю природу, много читаю, интересуюсь историей Одессы. Самое большое достижение в моей жизни — сын Ярослав.

К сожалению, карта Клуба не захватила наш регион, но поверьте, одесситов здесь проживает немало.

С уважением, Лариса Новикова.

Я одесситка — выпускница одесской хореографической школы. Уже 16 лет живу в Израиле, основала свой танцевальный коллектив АЗИМУТ, работающий на израильском ТВ. Коллектив принимает участие в различных конкурсах и фестивалях. Я слышала, что под эгидой клуба проходят различные мероприятия, и мы с удовольствием приняли бы в них участие. Адрес нашего сайта www.azimuthdance.com

Там же вы найдете страничку оркестра МАСТЕР под управлением Олега Аконова — это мой муж, одессит, выпускник одесской консерватории. Его оркестр состоит, в основном, из одесситов и работает на канале "Израиль+" в передаче Яна Левинсона 7.40. Надеюсь, что сможем когда-нибудь участвовать в культурной жизни любимого города!

Спасибо.

Татьяна Аконова.

Привет из Польши.

Как мне вступить к вам? Как возможно, чтобы парень из Польши хотел вступить в клуб?

Совсем просто — я родился на Московской улице. Моя тетя жила на Молдаванке, на Ленинградской улице, ну, и я побывал несколько раз в Одессе. Полню Большевик, я там был с женой две недели у друзей.

Дед — бывший полковник царской армии (командир военной полиции в Минске).

Ну как? Могу поступить?

С приветом,

Петр Жудрак, Вроцлав.

Привет Клубу!

Рад, что узнал о возможности виртуально общаться с друзьями в родной Одессе. Если есть возможность, передайте мой e-адрес Боре Литваку, Валере Ханту, Тарику Толу-денко, Игорю Кнеллеру, Олежке Сташкевичу.

Член клуба с советских времен и дня основания Дворца студентов на ул. Энгельса,

Александр Бут,

членский билет № 21

за подписью М.М. Жванецкого.

Дорогие друзья, большое спасибо за ваше сообщение. Хотел бы почтее получить известия от вас. Я прочел о будущем памятнике И. Бабелю. Дайте мне знать, как я могу участвовать в воплощении этого замысла.

Всех поздравляю с Днем освобождения Одессы — 10 Апреля.

Мы все в Чикаго вчера друг друга поздравляли.

С уважением, Арсений.

"Нас покорила Одесса"

Издательство "Баба эт Парша" г. Сегеда (Венгрия) выпустило книгу "Нас покорила Одесса. Город в истории венгерской культуры" (428 страниц).

Доцент Сегедского университета Имштван Реньвеш был в Одессе в первой половине 80-х годов. Это тогда, как пишет автор в предисловии, он "заболел Одессой". Книга — итог его многолетней работы.

Между родившейся в 1794 г. Одессой и Австрийской империей, включавшей в себя в то время и Венгрию, двести лет назад были установлены официальные (консульские) связи. Первые приводимые в книге венгерские сведения датируются 1805 годом, а заключительные моменты последней главы фиксируют впечатления наших туристов об Одессе в Интернете.

Книга богата высказываниями более сотни ученых, политиков и публицистов Венгрии, а также литературными произведениями свыше полусотни значительных писателей. Структура в 20 глав свидетельствует о множестве источников духовной энергии, излучавшейся из Города, а также о разнообразных направлениях ее реализации в стране.

Неповторимый облик Одессы и существование хано одесских известен и признан в Венгрии уже более столетия. Один из главных компонентов этой специфической ментальности — это толерантность, а важнейшее качество жителей города — "неизгояемый дух суверенности" (М. Зорин).

Одесса стала одним из ворот в распротранении венгерской литературы и искусства в России. Такие всемирно известные ученые,

как И. Мечников, С. Рудинштейн, В.П. Филатов и другие стали исторически "нострифицированными" деятелями венгерской науки, а Бабель и Катаев уже свыше 80 лет считаются почти что венгерскими авторами. Великое творчество исполнителей — Э. Тилель, С. Рихтер и Д. Ойстрах — своим почти перманентным присутствием в течение полувека оказывали непрерывное воздействие на венгерскую духовность.

В числе значительных "новиков" книги — публикация фактов гибели М. Петерфи, эскиз венгерского восприятия Л. Прокофьева и А. Вышинского, конкретизация одесскими фактами хроники 1945 и 1956 гг.

В книге впервые дана объективная оценка полувековой истории городов-побратимов Одессы и Сегеды.

Выход книги с ноября 2006 г. отмечен рядом рецензий в ежедневной и литературной печати страны, а также научными откликами в Интернете.

Презентация состоялась на филфаксе Сегедского университета (декабрь 2006). Была проведена встреча с автором в библиотеке г. Сентеша (это его родной город), где, в частности, собрались и побывавшие в свое время в Одессе педагоги, агрономы и врачи региона. При большом интересе присутствующих прозвучали отрывки из произведений Чайковского и Бетховена в исполнении С. Рихтера и Д. Ойстраха, а также сопроводительная музыка электронного фотоальбома "Одесса в новых памятниках...", полученная недавно автором от Всемирного клуба одесситов.

Меня зовут Юлия. Мне 20 лет. Я живу в Республике Беларусь.

Летом 2006 года побывала в Одессе. Город меня поразили своим многообразием, своей удивительной историей, архитектурой. А еще больше меня поразили люди, которые живут в этом городе. Такому гостеприимству и доброжелательности можно только позавидовать. Ведь город еще сравнительно молодой, а у него такая богатая, насыщенная и интересная история, что я до сих пор интересуюсь ею (обычно я историю неохотно изучаю).

Меня очень многое поразило. Когда гуляешь по улицам Одессы, такое ощущение, что находишься в разных мирах. И самое интересное то, что люди разных национальностей живут в дружбе и не обижают друг друга.

Я чувствовала себя в Одессе как дома, я не чувствовала себя чужой. А еще мне было очень свободно. Не знаю, почему.

Просто в Одессе я была такой, какая я есть. Здесь даже с незнакомыми людьми можно интересно пообщаться. Я не увидела высокомерия, а только доброжелательность.

Обязательно буду посещать ваш сайт, мне просто интересно читать, что тут написано про мой любимый город, хоть я и не одесситка. Поэтому не прощаюсь, а желаю всего наилучшего, что можно пожелать вам, дорогие одесситы!

С уважением,

Юлия Белько.

Говорят, у каждого человека есть место на Земле, куда хочется возвращаться снова и снова. Куда бы не занесла тебя Госпожа Судьба, сколько бы ты лет там ни был, но словно невидимая ниточка связывает тебя с этим местом. Для меня эта любимая "Планета-пятночка" — моя Одесса. 12 долгих лет разделили нас, и когда в 2005 году мне посчастливилось побывать в городе, первым желанием было — целовать землю. Я думала, такую любовь можно испытывать только к любимым людям, оказалось — ошибалась. Хотелось смеяться

и плакать одновременно, хотелось здороваться и обнимать всех прохожих, хотелось просто на время сойти с ума от счастья. Вернее, от любви. К Одессе, к одесситам и одесситкам, к одессятам... В этом году я твердо решила вернуться в свой город и надеюсь быть ему полезной. Большое спасибо Клубу одесситов за предоставленную возможность жить в родном городе "на большом расстоянии". Ваше предложение вступить в Клуб стало "предложением руки и сердца" от моей Одессы. Спасибо вам.

С уважением, Лариса Новикова.

Кашерный бар-ресторан

Рестораны
ЖЕВРОН

ПРИГЛАШАЕМ

АБСОЛЮТНО ВСЕХ

КОЛОРИТ

ИЗРАИЛЬСКОЙ КУХНИ

ТРАДИЦИОННЫЕ

ЕВРЕЙСКИЕ

И ОДЕССКИЕ БЛЮДА

АТМОСФЕРА

ИЕРУСАЛИМСКОГО ДВОРИКА

Время работы:

с 11.00 до 23.00

в пятницу — с 11.00 до 16.00

выходной — суббота

Наш адрес:

ул. Ришельевская, 30

тел. 715-03-74

ул. Давыдовская
ул. Греческая
ул. Бунинская
ул. Жуковского
ул. Еврейская

Василий ВЫХРИСТЕНКО

В прицеле Одесский оперный

— Пути к победе трудно постижимы, — сказал Герой Советского Союза Михаил Авдеев, когда мы шли вверх по Ланжероновской от Литературного музея к Оперному театру. — Всегда, когда вижу это замечательное здание, даже на фотографиях, — у меня холодит под сердцем. Ведь с ним были связаны два памятных для меня боевых и едва не роковых "крещений" — в августе сорок первого и в апреле сорок четвертого...

Михаил Васильевич поправил белую прядь под генеральскую фуражку, и поглядывая на редкие туши над городом, продолжил:

— Именно эта непослушная прядка покрылась сединами в сорок первом, остальные добавились уже потом. Но памятная она, первая, одесская. Как это случилось? Да просто и случилось. Что ж, нам, флотским истребителям, приходилось тогда прикрывать сорочковой бомбардировочный авиаполк авиации Черноморского флота под командованием капитана Александра Цурцумия. И пока в районе Одессы действовала авиация королевской Румынии, особых хлопот у нас не было. Но когда мы начали все чаще встречаться с опытными летчиками восьмого корпуса люфтваффе, пришлось немало поломать голову над вопросом безопасности наших подопечных. Еще бы — командиром корпуса был известный германский ас, любимец Гитлера генерал Манфред фон Рихтгофен. Это под его командованием легион "Кондор" вершил разбой в небе республиканской Испании. Руины Герники — дело его рук. По свидетельству фельдмаршала Эриха фон Манштейна, он был лучшим из фашистских авиационных командиров во второй мировой войне, а его корпус — мощнейшим соединением немецких военно-воздушных сил. Но о моем воздушном бое с самим Рихтгофеном как-нибудь потом.

А пока... в одном из полетов на прикрытие мотор моего "Яка", как это бывает, забарахлил, и мне пришлось садиться на Школьный аэродром у шестаковцев. Лев Львович сразу же приказал предоставить немедленную помощь. И, ясное дело, она была предоставлена. А я, выбирая место посадки, полагался на помощь нашей флотской авиационной группы истребителей под командованием капитана Вальцефера, что базировалась тоже на Школьном аэродроме. Но она, взаимодействуя с 69-м полком, была задействована на выполнении оперативной задачи где-то между Раздельной и Кучурганом.

Я, правда, забежал здесь несколько вперед. Но... памяти не прикажешь. Итак, во время маневра для выхода на аэродром я преднамеренно затянул разворот, чтобы хоть краешком глаза посмотреть на Одессу, и в особенности на оперный театр, мою давнюю слабость. На малой высоте выполнил крутой вираж над аркадийским берегом. Осмелев, снизился до пятидесяти метров. Улицы и площади — как на ладони. Мотор иногда, скажем так, почихивает, но тянет. Захожу со стороны Чумки. Впереди по курсу белесая полоска моря, и сквозь полуденную дымку еле просматривается свеча Воронцовского маяка. Осматриваю пространство — ведомый на месте. Молодец, не отстал. И вот он — оперный театр. Ну, решаю, секунда — и отверну в сторону моря.

И вдруг стена огня выросла передо мною. Многоцветные пулеметные трассы потянулись с крыш домов, окружавших театр, и, как мне показалось, даже с его окон. Секунда, другая... Хотелось рвануть самолет вверх, но наверняка сойдут. Кто? Зачем? Почему не предупредили? Пока мелькают в голове эти вопросы, а руки уже резко бросили самолет на правое крыло, я, почти прижимаясь к крышам, проношусь над чашей стадиона и парковой зоной. Потом, уже над морем, где-то за Люстдорфом вместе с ведомым взаимно осматриваем самолеты. Увидели много прямых попаданий, но, к счастью, особых повреждений не было. Лишь на аэродроме, рассматривая карту, увидел чуть заметную пометку — черта, за которую запрещалось перелетать даже своим самолетом. В особенности на малой высоте — ведь зенитчикам в таком

случае очень трудно установить принадлежность самолета. Вот они, согласно приказу, и открыли огонь, чтобы потом не было поздно.

— Ну что же, — сказал комполка Лев Шестаков, — считайте, что это был горячий дружеский поцелуй нашей Одессы. Не будете

лив и просматривается берег не только Лузановки и Дофиновки. После я узнал, что этот пост должны были ликвидировать подпольщики. Но они с этим не справились: уже весьма сильной была охрана радиопоста. А его нужно было любой ценой если не уничтожить,

но, был заминирован фашистами, и главная опасность состояла в том, что мог сдетонировать заложенный для подрыва заряд. Но флотские саперы уверяют, что если зацеплю лишь антенну — все обойдется.

Строю заход с морского сектора, ведь на воде батареи не поставишь, нет деревьев: высота бреющего полета — 25-30 метров. Проскакиваю золотистую подкову Аркадийской лагуны и над верхушками деревьев небольшим креном делаю доворот вправо на 4-ю станцию Большого Фонтана — ориентиром мне служила церковь пехотного училища. В небе ни вспышек взрывов, ни пулеметных очередей. Но это обстоятельство сильней всего давит на психику. Не помню кто, но словно по боевому уставу: час ожидания атаки — самый страшный.

И вот — улица, которая ведет прямо к театру. Почти касаясь верхушек еще безлиственных деревьев, выдерживаю направление. Ловлю в прицел тоненькие антенны. Время. Нажимаю гашетки. Сноп огня вырывается из всех стволов бортовой оружия. Миг — и я проношусь над крышей театра. Только теперь небо заполняется вспышками пушечных и пулеметных трасс, да и то — впереди. А в моем мозгу — слова начальника разведки: "Лишь один заход. Иначе фрицы сделают из твоего "Яка" решето".

Но помнил я и слова адмирала Октябрьского: "Действовать по обстоятельствам, по своему решению". Низко, в правом вираже, прохожу над пляжами и рискую пойти на второй заход. Но теперь уже не для атаки, а для контрольной съемки. Это была идея нашего начальника штаба: взять с собой фотоаппарат. "Знаю фашистов, — сказал он, — они после твоей атаки могут произвести поджог театра, и виноватыми окажемся мы. Пару снимков после атаки — и у нас будут убедительные доказательства".

Возле Аркадийского залива выскакиваю на берег и делаю вокруг театра восходящую спираль. Замечаю на его крыше беготню прислуги, но ни дыма, ни пламени нет. Щелкаю один раз, второй — и отворачиваю влево, через Кривую Балку выхожу на бреющей в степь. Продолжаю маневрировать и молюсь, чтобы двигатель меня не подвел.

Так вот, спасибо нашим авиационным мотористам и техникам за их светлые головы и золотые руки: ведь в воздушном бою и во время штурмовок двигатель всегда работает на максимальных оборотах. И выдерживает, словно понимает, что и летчик в таком режиме.

Под вечер приземляюсь на своем аэродроме и сразу попадаю в объятия командира полка. "Не вышел из тебя Герострат", — говорит он мне. А я смотрю — и ничего еще не понимаю: ведь пленка еще в фотоаппарате.

— За твоей атакой следили подпольщики, — объяснил мне начальник разведки, — они сообщили в штаб флота, что все прошло с блеском. Спасибо тебе!

Потом мне рассказали мои товарищи, что услышав эти слова, я свалился на кушетку в кабинете начальника штаба и проспал почти сутки. И все это время, оказывается, рядом со мной был наш полковой врач. Когда я проснулся, он расспросил меня о самочувствии, и я тогда впервые от него услышал слово "стресс". А когда в нашей летной землянке подошел к зеркальцу, чтобы побриться, — увидел на висках седые отметины, которых еще вчера перед полетом не было.

— И что об этом говорить сейчас, если уже вся голова белая, — улыбается генерал. — Ведь главное — не мы, а наша Победа. И спасибо твоей Одессе, что она лелеет и бережет память о войне...

"Да, — подумал я. — Победа — главное в войне". Сейчас нет войны. Но для нас должны быть особенно дороги те, кто огромной ценой — жизнью своей — добывал ее.

— Постойм, — сказал негромко генерал. — А вот и главный подарок всем за Победу!

Стайка нарядных людей, окружив невесту в белоснежной фате и жениха в строгой тройке, словно ветвь Юрия Олеши, "полная цветов и листьев", прошумела мимо нас.

Михаил Авдеев

М. Авдеев в кабине своего "Як-1"

в дальнейшем распускать руки, то есть крылья, если Одесса-мама это запрещает. Но не вы первый. Вот сядет скоро Асташкин — и обменяетесь впечатлениями...

Майор достал из планшетки двухцветный — красный и синий — карандаш и жирным синим кружком на моем плане города обвел театр. Мне, с одной стороны, было немного не по себе, что досталось от своих же, а с другой — радовался: крепко, надежно охраняется Одесса. А седина — что ж, дело неживное, впереди была еще целая война.

Вверху над нами, теряясь в белесой синеве неба, тянулся тонкий инверсионный след. Проводя его взглядом, Михаил Васильевич продолжил рассказ:

— Вторая моя встреча с оперным театром состоялась уже в ходе Одесской наступательной операции, которая началась 26 марта 1944 года. В ходе подготовки к началу операции всеми видами разведки было установлено, что некоторые посты и пункты наблюдения, наведение вражеской авиации противник расположил среди одесских жилых кварталов, и уничтожить их очень тяжело. Ведь бомбардировать их — это означает поддавать опасности мирное население, да и многие сооружения, которые имеют большую культурную ценность, могут пострадать.

Один из таких постов и был расположен на крыше оперного театра, ведь это удобная точка, с которой хорошо виден Одесский за-

то хотя бы подавить непосредственно во время штурма города. Командующий авиацией Черноморского флота генерал Василий Ермаченков на запрос штаба флота ответил: "Пост будет уничтожен".

И выбор пал на меня. Разведчики произвели с разных высот аэрофотосъемку центра города, порта, разработали план. Оказалось, что путь к оперному театру (конечно, на бреющем полете) пролегает со стороны вокзала — антенное поле на фоне неба видно очень четко, и его можно срезать пулеметно-пушечным огнем. "Желательнее, все же, пулеметным", — шепнул мне как бы между прочим начальник разведки флота полковник Дмитрий Намгаладзе.

"Но если в прицеле будет вписываться крыша театра, а того еще пуше, портал с его классической лепниной, действуйте по обстоятельствам, — сказал в телефонном разговоре со мной командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский. — Не приведи Господи нам (а он именно так и сказал — нам) промахнуться и попасть в фасад театра. Славы Герострата Черноморскому флоту не нужно. При наименьшем сомнении — прекратить выполнения задания".

Меня долго еще угнетало упоминание командующего флотом о Герострате. Вечером перелетел на аэродром подскока Кульбакино в Николаеве. Второго дня в рассчитанное время взял курс на Одессу. Сердце все время стыло от одной и той же мысли. Театр, навер-

«Всемирные одесские новости»

в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Михаил РАШКОВЕЦКИЙ,
директор Музея истории евреев Одессы «Мигдаль-Шорашим»

ЕВРЕИ ОДЕССЫ: ТОЛЬКО ЛИ ПРОШЛОЕ?

Ротшильд

23 апреля состоялось открытие новой экспозиции Музея истории евреев Одессы «Мигдаль-Шорашим» под названием «Евреи Одессы: только ли прошлое?» (при поддержке фонда Ротшильда).

Благодаря Шолом-Алейхему имя Ротшильда для меня с детства было скорее мифологическим, нежели историческим. Как Крез. Или, еще точнее, как Пушкин для булгаковского председателя жилтоварищества: «Богатый, как Ротшильд». «Что я, Ротшильд?».

Был ли Ротшильд на самом деле? И если был, то когда? Для меня в принципе это оказывалось неважным. С Ротшильдом мы непосредственно не пересекались. Даже когда я стал сотрудником музея истории евреев и узнал, что Ротшильд принимал участие в поддержке одесских евреев после погрома 1905 года, это имя оставалось довольно абстрактным. Все конкретизировалось в 2005 году. Оказывается, благотворительный фонд «Ханадив», штаб-квартира которого располагается в Лондоне, это и есть фонд Ротшильда. И именно этот фонд, чуть ли не единственный в Европе, помимо остальных направлений своей деятельности специализируется на поддержке еврейских музеев, коллекций и архивов. Мы написали проект, и Ротшильд его поддержал. (Несколько месяцев назад фонд «Ханадив» официально сменил свое название на «Фонд Ротшильда».)

Проект

Суть проекта — аналитическое сопоставление давней и недавней истории евреев Одессы вплоть до дня сегодняшнего. Не отдельное выставочное помещение, а вся, пусть и относительно небольшая экспозиция нашего музея должна стать своеобразным дискуссионным полем для ответа на вопрос,

сформулированный в названии проекта. И этот вопрос отнюдь не риторический. Многие авторитетные исследователи утверждают, что украинские евреи — это «засыхающая ветвь на древе мирового еврейства» (Л. Финберг).

Но может быть, все-таки Одесса — исключение из общего правила. В конце концов, Одесса всегда была «иной». Такой ее считали в Российской империи, такой она оставалась при советской власти даже в самые «императивные» периоды.

А может быть, эпоха свободы передвижения (физического и виртуального) оказалась для «гения места» более губительной, чем запреты и ограничения?

Конечно, авторы проекта — люди субъективные и заинтересованные. Нам хочется верить, что Одесса по-прежнему город необычный, а евреев Одессы не только тешит их легендарное прошлое, но и ожидает светлое будущее. Тем не менее, эксперимент есть эксперимент.

Впрочем, наша задача не писать монографию, а строить экспозицию. Музей оперирует не текстами, а специально отобранными предметами, особым образом размещенными в специально организованных помещениях.

Мы и в прежней экспозиции не очень строго придерживались принципа хронологической последовательности, а в нынешней и вообще смешали все «одесские эпохи», сталкивая их лоб в лоб и провоцируя, таким образом, зрителя на сравнения.

Кстати, одним из важных элементов нового пространства мыслилось освещение. Общий полумрак как тайна и вопрошание. При входе зритель «вооружается» точечным источником света и невольно из пассивного приемника информации превращается в действенный экспозиционный фактор. И здесь дело не только в простой метафоре: «больше людей — больше света»...

Но для специального освещения необходимы новые обои, а новые

Экскурсию по музею ведет Михаил Рашковецкий

обои требуют ремонта стен и пола, а стены и пол не могут жить со старыми дверями и окнами, а если менять окна, то и решетки... Короче говоря, ремонт на исходе четвертого года существования музея, ремонт, которого мы так боялись, стал неизбежен.

Ремонт

Адрес музея: улица Нежинская, 66, квартира 10. Это не дворец, а именно квартира, по нынешним временам не очень большая, в старом доме начала прошлого века. Для демонстрации характерной одесской бытовой черты нам не нужно было развешивать белье в экспозиции: оно постоянно сохнет

на веревках перед входом в музей...

Во дворе кормят кошек, и запах — один из наиболее впечатляющих наших экспонатов. Характерный для доходных домов модерна фонарь (внутренний дворик) экспонирует звуки. Они доносятся из соседских окон, соседи по-прежнему живут в коммуналках, ссорятся и радуются, варят борщ и жарят рыбу. Нет только гудения примусов, но воду сливают регулярно...

Жизнь евреев в Одессе была по преимуществу приватной. Хождение («впускание») в официоз в 1920-е и на последнем рубеже столетий — пока лишь краткие эпизоды истории евреев Одессы. При всей значимости этой истории квартирный масштаб в большей степени соответствует ее характеру, нежели дворцовый. Конечно, квартира не вместительна, но зато она человечна.

У нас было уютно. Мы были домашнему радушны, и посетители у нас не были — были гости (которым обычно в Одессе показывали семейные фотографии с длинными и разветвляющимися семейными историями) и «родственники»: ведь подавляющее большинство предметов нашей коллекции подарены нам одесситами.

Мы боялись ремонта, как невеста времен Бени Крика боялась прыщей на голове. Мы боялись убить евроремонтом эту сохраняющуюся атмосферу домашнего уюта. Мы обращались к различным дизайнерам, но они не понимали нас, а мы их. Кроме того, дизайнер это не фамилия, а профессия, и стоит дорого, а мы далеко не Ротшильды...

Мы оттягивали ремонт до последней возможности, до тех пор, пока из фонда Ротшильда нам крайне вежливо намекнули, что деньги на лампочки и прочие нужды пора бы и истратить. И тогда мы сделали ремонт в крайне сжатые сроки, решая все проблемы на ходу, то есть не так, как это делают в Европе, а так, как это делалось в Одессе.

Деньги

Завершив ремонт, мастер задумчиво спросил меня: «А вот почему говорят, что все евреи богатые?».

В одесском Обществе вспомоществования бедным больным евреям «Эзрас Хойлим» существовала красиво оформленная «Золотая книга». В нее вписывали имена жертвователей, одесситов. А на основе изящной графики страниц этой книги издавали открытки, доход от продажи которых тоже шел в пользу этого общества. Кстати, о поголовном богатстве евреев, в частности, одесских. Один из экспонатов музея — титульный лист книги Бродовского «Еврейская нищета в Одессе» 1910 года издания. Конечно, есть тонкая ложь, грубая ложь и статистика. Но аргументы Бродовского убеждают: в это «благословенное» время 60% одесских евреев жили ниже уровня бедности.

С другой стороны, в начале прошлого века семь (по другим данным — восемь) из десяти крупных одесских банков принадлежало евреям, и пусть Бендер презрительно отзывался о богачах из «Черноморска», пусть Ротшильдов у нас не было, но имена Бродовского, Рафаловичей, Ашкенази звучали достаточно гордо (я называю лишь тех финансистов, кто так или иначе представлен в экспозиции нашего музея). Не плохо зарабатывали врачи, юристы, литераторы и даже журналисты. В Одессе евреи составляли большинство не только среди портных, но и среди представителей свободных профессий. Я уже не говорю об аптекарях и «зубных техниках».

На самом видном месте у нас представлена маленькая коллекция банкнот: от царских до «незалежных» с промежуточными «одесским разменным билетом» незабываемого 1917-го, гривной 1918-го, чека Внешторгбанка эпохи застоя СССР и расцвета ЧМП и другими денежными знаками.

Так вот, когда в Одессе водились деньги и еврейские организации («до несчастья»), эти еврейские организации финансировались одесскими евреями.

Более того, рядом с купюрами представлено письмо Менахема Усышкина на бланке Одесского палестинского комитета, из которого явствует, что одесские евреи помогают деньгами переселенцам Эрец-Исраэль...

"Летний садик" на территории музея

Фрагменты новой экспозиции

Увы, сейчас одесские еврейские организации финансируются, в основном, из-за рубежа, евреями из США и того же Израиля. Не забудем и Великобританию, откуда профинансировали новую экспозицию. В чем дело? В особенностях национального (в данном случае я имею в виду Украину) законодательства о благотворительной деятельности? Или в статистике?

Статистика

Никогда еще еврейская часть населения Одессы не была столь малой, как сейчас. В 1795 году евреи составляли около 10% нарождающегося города, к рубежу 19-20 столетий евреев — более трети. В 1916 году Бабель объясняет специфику и оригинальность характера Одессы тем, что "половину его населения составляют евреи". В начале 1920-х — та же ситуация: в Одессу массово бегут евреи от ужасов 1-й мировой войны, неотделимо перетекающей в гражданскую. В Одессе, как и везде, не сахар, но безопаснее, чем в украинских местечках, и отряды еврейской самообороны — не пустой звук. (Один из таких отрядов, правда, более раннего периода — печально известного погрома 1905 года, — запечатлен на фотографии и демонстрируется в нашей экспозиции. Это, в основном, студенты университета, причем представители разных национальностей и вероисповедания. Говорят, в 1917-1920 в таких отрядах было больше молдаванских налетчиков, хотя и студентов оставалось немало.)

Перед июнем 1941-го в Одессе более 200 тысяч евреев, и это число значительно увеличивается с потоком беженцев, надеющихся на спасение в героически обороняющемся городе.

Холокост

Прошу прощения, был все-таки период, когда в Одессе евреев жило меньше, чем сейчас. С весны 1942 года по весну 1944 Одесса была "юденфрай", то есть "свободна от евреев". Сотни тысяч евреев-одесситов и беженцев были убиты. Этим трагическим страницам истории евреев Одессы посвящено небольшое, но отдельное мемориальное пространство... Однако и здесь рядом с нацистскими листовками размещены современные антисемитские листовки, документы и фотографии 1940-х соседствуют с современными фотографиями, запечатлевшими установку памятников жертвам Катастрофы в одесском регионе...

После войны

После войны уцелевшие на фронтах и в эвакуации евреи возвращаются, приезжают новые... Уже давно нет еврейских организаций, но евреев в Одессе много, гораздо больше, чем 107 тысяч по официальным данным на 1959 год. После 6-дневной войны все они испытывали чувство гордости и радости. В основном, "на кухне". Но некоторые высказывались открыто. Такие, например, как Давид Найдис, в приговоре которому фигурирует обвинение в клевете "на советскую действительность в национальном вопросе". Рядом с этим приговором — материалы, связанные с темой погрома 1905 года... В этом же зале экспозиционный монитор демонстрирует недавние свастик на еврейских могилах...

А на современном пасхальном

кресле-троне, с подушкой на левом подлокотнике, лежат два раскрытых телефонных справочника. Один 1977 года, открытый на развороте Коганов. Более 150 потомков священнослужителей имели в Одессе дефицитные тогда телефонные номера. Можно открыть и Рабиновичей или Штернов.

Рядом — "Золотые страницы Одессы" за 1998 год. Остались единицы.

Когда-то статистика хоть и врал, но знала все, кроме количества стульев. Сейчас ее просто нет. Очень приблизительно можно говорить о том, что евреи составляют 5% населения города. Но можно и не говорить...

С другой стороны, фотографии со свастиками на надгробиях сменяются любительским фильмом о современной еврейской свадьбе, где все как положено, с раввином и хупой.

И оптимистичная нота не только в наличии материалов о "еврейском возрождении" постперестроечного периода, о ранних этапах истории центра "Мигдаль" и более позднее — центра "Мория", об Объединенной еврейской общине с "Информационным листком № 1" за 1993 год и о "разведенных" еврейских организациях последующих лет...

Главный оптимизм в том, что одна из первых групп, посетивших новую экспозицию, — это группа родителей и студентов центра "Мигдаль", чей продуктивный возраст подтверждался наличием грудничков на руках некоторых экскурсантов...

Пресса

Вернемся, например, к журналистам. Когда-то в Одессе было много еврейских периодических изданий. Они выходили и на русском, и на иврите, и на идише. Да и ряд нееврейских общегородских газет делали преимущественно евреи. С "Одесским вестником" начала прошлого века можно смело демонстрировать и довоенное "Большевистское знамя", в немалой степени — послевоенные "Знамя коммунизма" и другие издания. Карп Полубаков и почти весь экипаж "Антилопы Гну" из "Вечерней Одессы" это целые эпохи в одесской журналистике. Да и сейчас, на открытии, в качестве живых "экспонатов" под экспонатами, которые они нам подарили, похаживали такие патриархи одесских "ротационных машин", как Е. Голубовский, Ф. Кохрихт, А. Розенбойм.

А рядом с номерами "органа русских евреев" газетой "Рассвет" конца 1860-х — начала 70-х можно разместить не только газету евреев Молдовы и Одессы "Наш голос" за 1991 год, но и "Рассвет" О. Рабиновича с "Сионом" С. Пинскера (если достанем) и нынешние "Шомрей Шабос" с "Тиквой" — "Ор Самеах" (по истечении срока давности).

Два музея

Среди компонентов новой экспозиции есть два особо значимых. Это информация о Всеукраинском музее еврейской культуры имени Менделеев Мойхер-Сфорима, который был открыт к 10-летию "Великого Октября", закрыт в 1936 году, по загадочным причинам вновь открыт в 1940-м, и который почти бесследно исчез в 1941 году... Нарочито бесцветные копии немногочисленных архивных материалов, публикаций 1920-х — начала 1930-х в одесских газетах и журнале "Шквал", ретроспективных публикаций-исследований недавних лет.

Отдельный небольшой зал посвящен 1920-м — 30-м, когда запретили сионизм, иврит, а вместо синагог открывали еврейские клубы для рабочих. Но идиш — язык бедноты, поэтому мы можем представить и свидетельство об окончании еврейской школы 1928 года на двух языках — украинском и идиш (таких школ в Одессе было около трети), и фотографии выпусков евсектора Одесского педин, и комплект материалов, связанных с деятельностью "Одесского державного еврейского театру", и даже эскиз к картине Рашковой "В еврейском колхозе"... Все это безвозвратно погибло, причем не столько по причине ужасов войны, сколько по вине послевоенного государственного антисемитизма...

Но музей, пусть совсем иной, негосударственный, с несравнимой и количественно, и качественно коллекцией, все-таки появился. Поэтому мы сопоставляем трудно

сопоставимое и рядом с материалами о первом одесском еврейском музее представляем совсем короткую историю нынешнего. Осенью этого года мы, надеюсь, отметим его пятилетие во время проведения ежегодной, шестой, международной научной конференции "Одесса и еврейская цивилизация".

Личности и семьи

То, что мы имеем право на столь претенциозное название, доказывает галерея фотопортретов, выполненных в Одессе в начале прошлого века. Здесь и С. Дубнов, и Х. Бялик, Ш. Черниковский и Ахад га-Ам, М. Мойхер-Сфорим и Шолом-Алейхем, В. Жаботинский и И. Равницкий, и многие другие...

А коллекция материалов о П. Столярском и его школе? Документы об Утесове?

Я уже не говорю о буфете, принадлежавшем семье И. Бабея.

Но быть может, еще более дороги нам экспонаты, представляющие "обычные" семьи, те семьи, которые создавали не "еврейскую улицу", а саму Одессу. Вы понимаете, что речь идет не только об архитекторах, хотя объемное собрание материалов о семье Минкусов-Нудельман дает повод говорить и об архитекторах тоже. Мы говорим о неповторимой "интонации" мировидения и способа мышления, которое придавало неповторимый колорит Одессе... К примеру, отдельный музей можно создать на основе документов, предметов и фотографий, представляющих семью Леонида Дусмана. Причем хронологически эти материалы представляют период с конца 19 века по начало нынешнего. И они представляют не только дедушку и бабушку Леонида Моисеевича, не только его самого, его жену, ее родителей, но и их детей и внуков. Здесь и сейчас.

Наука и жизнь

Относительно недавно Лем предсказал крах человеческой цивилизации, так как цивилизация может развиваться только в русле линейного научного познания, а жизнь сама по себе — нелинейна.

Строгая хронология событий, подталкивающая к линейной логике причинно-следственных связей зачастую неадекватна происходящему. В том, что действительность не руководствуется логикой, мы убеждаемся чуть ли не ежедневно. Повороты истории неожиданны и парадоксальны, это не линия и даже не спираль. В музее мы должны совмещать, казалось бы, несовместимое: науку и жизнь. Наша новая постоянная экспозиция принципиально эклектична и непостоянна, сейчас она изменяется ежедневно. Приглашаем и вас в это пространство вызова и вопроса "Евреи Одессы: только ли прошлое?". Вам отвечать.

Фото Евгения Волокина.

Фрагмент новой экспозиции

Олег ГУБАРЬ

КТО ИЗОБРЕЛ ПАПИРОСЫ «SALVE» И «КАЗБЕК»?

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, обратимся к истории производства, торговли и потребления табачных изделий в старой Одессе. Сразу же заметим, что наш город с давних пор служил важнейшим пунктом транзитной торговли табаком, табачными изделиями и курительными принадлежностями. Так, на рубеже 1820-1830-х ежегодный привоз составлял порядка 13 тысяч пудов, а вывоз — около 10 тысяч. То есть три тысячи пудов табака потреблялось в самой Одессе. Если учесть тот факт, что в 1833 году численность горожан достигла только 50 тысяч, то на одну живую душу приходилось 720 граммов. Однако 23800 из общего числа жителей — это женщины, которые тогда в большинстве своем практически не курили. Если приплюсовать к этому детей и даже предположить, что абсолютно все взрослое мужское население — курильщики, то на душу получится, по крайней мере, по полтора килограмма.

Основными поставщиками были Египет, Турция и Греция. Англия, Италия, Испания доставляли преимущественно дорогие сигары и нюхательный табак. Немного привозили из Америки, и считанные пуды — по особым заказам из Голландии. Табак приходил как листовый, так и крошеный, часть его перерабатывалась прямо на месте. Так, в 1829 году из Одессы было вывезено два пуда и 17 фунтов нюхательного табаку, выделанного на фабрике француза Жана Рубо, широко известного также как виноторговец и книгопродавец. Остальные предприятия по переработке табаку были столь незначительными, что даже не вполне считались фабричными производствами. В 1846-м экспорт табака превысил 16 тысяч пудов, в 1847-м достиг 20-ти, в 1849-м — 23-х, а в 1850-м — более 29,5. В городе стали появляться более-менее полноценные перерабатывающие заводы, владельцами которых были преимущественно греки и караимы. В 1850-м, например, открылась табачная фабрика Соломона Мангуби, однако Иосиф Мангуби, как и другие авторитеты, Гереско и Ламба, занимались табачной торговлей еще в 1830-е годы.

Цены на табак несколько поднялись после указа 1838 года, согласно которому он облагался акцизом, тогда как прежде взималась лишь обычная таможенная пошлина. Новый виток роста цен обусловлен увеличением и самого таможенного тарифа. Тем не менее, среднестатистическое потребление табачных изделий в Одессе к середине XIX века, по самым скромным подсчетам, составляло не менее 25 фунтов. Привоз американского табаку стал немного возрастать, а сама привозная торговля означенным продуктом достигла 400 тысяч рублей серебром. После ввода акциза, разумеется, начались масштабные злоупотребления в сфере торговли контрабандным товаром без "табачных бандеролей" (по существу — акцизных марок). Акцизной конторой выдавались даже специальные шнурованные книги "на записку прихода-расхода табаку", которые, впрочем, мало помогали контролю.

Вслед за Мангуби свою известную долгие годы фабрику в Красном переулке открыл купец первой гильдии Крiona Папа Никола. Продолжало функционировать производство Рубо (с компаньоном Итанеком). Еще до Крымской войны в городе числилось 11 табачных фабрик. В середине 1850-х и немного позднее табачные изделия и принадлежности реализовывались в магазинах и лавках довольно известных в истории Одессы лиц: Петрокино, Краузе, Богосова, Лемме, Гереско, Ламба, Макка, Погонато, Страца, братьев Стифель, Гинанда, Гурфинкеля, Еригова, Жубура, Азгуриды и др. В первой половине 1850-х здесь уже можно было приобрести семена американского

табаку, культивировавшегося в нашем регионе. В начале 1860-х в доме купца Федора Портнова продаются "папиросы из табаку его одесской плантации". В окрестностях города находилась и табачная плантация местного жителя Фолетти. В 1860-м открылась самая, пожалуй, знаменитая в Одессе табачная фабрика А.М. Попова, речь о которой впереди.

На известные события военной кампании табачные фабриканты откликнулись папиросами "Щеголев" и "Синоп". В 1860-м одесский ученый-энциклопедист Иван Палимпсестов выпустил брошюру о возделывании табаку, продававшуюся в крупнейшем книжном магазине Г.И. Белого на Дерибасовской за 1 рубль с пересылкой. Главным местом торговли табаком, табачными изделиями и принадлежностями издавна была Черепениковская площадь Старого базара, названная так по нехлопо сохранившемуся до сей поры "дому с колоннами" купца Черепеникова. Сюда, на "толчок", приходили и обычные курильщики — за дешевой "крошкой", и заядлые знатоки лучших сортов турецкого табаку, и коллекционеры экзотических глиняных, пенковых и прочих трубок и кальянов, инкрустированных портсигаров: их поначалу именовали "порт-папирос".

На рубеже 1860-х в городе работали специалисты по изготовлению сигар, которых так и называли "сигарочниками" — Гальперин и Дриз. Летом 1861-го цены упорядочили в соответствии с тарифом бандеролей по табачному акцизу: 1-й сорт — 92 копейки серебром фунт, а 5-й — 10 коп. Папиросы и сигары в пачках по 25 штук реализовывались соответственно по 59 и 7,5 копеек серебром. Самым престижным и дорогим считался македонский табак "Дюбек", цена за фунт которого варьировала от 72 коп. до 2 руб. 40 коп., но отборнейшего — до 3 руб. 50 коп. Несколько дешевле обходился македонский же сорт "Бахча" — 1.20-1.80, каковой до Крымской войны продавался от 0.60 до 1.20. Сигары из американского табака местного производства стоили довольно дешево: 1 руб. 75 коп. — 3 руб. 50 коп. за сотню, иногда — до 6 руб. Настоящая "Гавана" реализовывалась по цене от 8 до 30 руб. за сотню. Сигары долго не продавались поштучно, а лишь от пяти или десяти штук.

Чувствую, читатель уже изрядно обалдел от статистики. А потому — несколько живых историко-бытовых деталей. Помните, у Пушкина: "за трубкой раскаленной" "с восточной гущей кофе пью". Ну, во-первых, в отличие от обеих столиц, да и других российских городов, в Одессе дозволялось курить на улице. Объясняется это не столько уровнем демократизации, сколько пожарной безопасностью: не было тут ни деревянных домов, ни мостовых. В те годы можно было курить и во всех трактирных заведениях. Исключение составлял лишь Городской театр, и театральная дирекция уведомляла посетителей, что буде кто вздумает "курить cigarки", тот "навечье себе неприятности". В 1829 году здесь даже была издана книга "Искусство курить и нюхать табак", написанная "двумя сведущими турками". Во время земляных работ в историческом центре я не раз находил как настоящие керамические трубки стамбульской работы, с клеймами, так и грубые местные подражания. Однажды студенты-историки, участвовавшие в археологических исследованиях под руководством профессора А.О. Добролюбова, обнаружили на отрогах Приморского бульвара большой фрагмент кальяна еще времен турецкого Хаджибея.

Мелкие табачные лавки в центре города нередко использовались далеко не по назначению. Торговое помещение служило, что называется, вывеской, ширмой, а настоящие занятия — складирование и перепродажа краденого, контрабанды, разного рода непотребные свидания

и "стачки мазуры" — шли в задней комнате. Другим негативным, прямо скажем, криминальным моментом было масштабное фальсифицирование табачных изделий. В третьей четверти позапрошлого столетия высочайшим авторитетом в области дегустации табаку значится стамбульский негодник Ахмет-эфенди. Только к нему обращались самые авторитетные одесские табачные фабриканты и торговцы — Гереско, Ламба, Крiona Папа Никола. Он-то и помогал им отбирать табак, неплохие папиросы из которого продавались от 46 копеек до 2 рублей за сотню. В магазине Афанасия Гереско, рассказывают, служил выписанный откуда-то с Востока вышколенный старичок-консультант, тоже отменный дегустатор, угождавший избранной клиентуре своего хозяина.

Мелочные же табачники, стремясь получить побольше выгоды, фабриковали состав, включавший солидные порции местного бессарабского табаку. Гаванские же сигары изготовлялись вовсе не только на Малой Арнаутской, но и в Европе — прежде всего, в Германии, в Гамбурге и Бремене. При этом для завертывания использовались хорошие табачные листья, произрастающие на острове Сан-Доминго, а уж вовнутрь досыпался сероамериканский табак поплоче. Такие фальсификаты широко реализовывались под самыми громкими марками — Regalia, Imperial, Trabucos, Panetalis и проч., причем в настоящих гаванских ящиках. Все это сильно вредило престижу местной торговли и промышленности. Мало того, в середине 1860-х принялись фальсифицировать и лучшую курительную бумагу торгового дома "Абади" в Париже. Широко фальсифицировались также мундштуки из подделочных камней.

Во второй половине 1860-х в дело солидной табачной коммерции входят еврейские предприниматели, прежде промышленявшие лишь мелочным торговом, а затем и армянские коммерсанты. Открываются относительно крупные табачные фабрики Штаермана, Левенштейна и др. Евреи начинают не только продавать, но и весьма успешно культивировать табак. Так, на выставке виноделия и табаководства 1870 года золотой медали за бессарабский табак удостоен некто Розенбаум, большой серебряной медали за табак Подольской губернии — некто Ромштейн, малой серебряной за бессарабский табак — некто Зильбер и т. д. В том же году "одесский житель Хайм Грубман изобрел машину, которая выделяет 120 штук папирос в минуту". В это время, как свидетельствует "Одесский вестник", "в городе раскуривается в год около 25 тысяч пудов табаку, до миллиона сигар и около семи миллионов папирос".

Говорят, что новое — это хорошо забытое старое. И с этим заявлением бывает трудно не согласиться, когда знакомимся, например, с рекламными трюками табачной торговли в стиле ретро. Так называемые "вкладыши" — в жевательную резинку, сигареты, печенье, галеты, конфеты, — на самом деле, очень давнее изобретение. Так, еще в XIX веке хорошо известны "табачные карты", то есть маленькие разрезные карточные колоды, те же "вкладыши", которые мог собрать курильщик, приобретая папиросные коробки определенной марки. Впоследствии в различные изделия вкладывались, скажем, переводные картинки и тому подобные приятные мелочи. Дошло до того, что некоторые табачные фабриканты стали вкладывать в папиросные коробки "листки с мелкими литературными произведениями: стишки, анекдоты, пословицы, афоризмы, карикатуры". Власть боролась с этим нововведением, ибо все печатные произведения подлежали предварительной цензуре. Фабриканты, естественно, протестовали.

Зато упоминавшийся табачный фабрикант, почетный гражданин Леонид Крiona Папа Никола, изготавливал именнные папиросы — с оттиснутыми на них фамилиями заказчиков. Цензура, вроде бы, не придиралась к оным "табачным прокламациям". *"Такие папиросы с именами, вытисненными золотыми буквами, — комментирует репортер местной газеты, — могли бы с успехом заменить визитные карточки: оставив вместо нее папироску с хорошим табаком, гость оставляет хорошую память, которую хозяин квартиры может выкурить. Это нововведение понравилось многим и, как слышно, на фабрику начинают поступать заказы папирос с фамилиями. Отныне каждый может курить свою собственную именную папиросу и узнать — не курит ли и кто-нибудь другой его добра?"*

Забавную историю по тому же поводу я вычитал в изумительном романе Владимира Жаботинского "Пятеро". Герой книги Марко всю дорогу впадал в разного рода разорительные прожекты. Однажды некто сообщил ему, что, будто бы, одесская табачная фабрика Месаксудии обязалась оплатить месячное курортное пребывание в Ялте тому, кто соберет сколько-то тысяч ее фирменных папиросных картонок. Марко ударился в сборы, каковым отдал уйму энергии. "Но когда он собственноручно упаковал пудовый тюк, лично отнес на почту и отправил в контору Месаксудии, откуда ему написали возмущенно, что ничего подобного — где он это вычитал?" В том же романе есть и другой смехотворный эпизод: "...У студента на крышке портсигара внутри, так что не мог не прочесть каждый, кому бы он предложил папиросу, оказалась известная надпись серебряной славянской вязью: "Кури, сукин сын, свои!"

История табачного промысла отменно проецируется на историю города в целом, со всеми ее привлекательными и непривлекательными сторонами. Как много говорено об одесской толерантности, веротерпимости... Реально же слухи эти несколько преувеличены, иначе трудно будет объяснить, как в этом космополитическом эдеме было больше жестоких погромов, нежели в местах куда менее благополучных в ракурсе межнациональных отношений. Как известно, конкуренция греческих и еврейских хлеботорговцев привела к очень печальным последствиям. Не осталось без последствий и соперничество оных же табачных производителей. Иногда конфликты подобного рода принимали самые безобразные формы. Например, подначивание взрослых детворы, работавшей на табачных фабриках в эдеме в мучомольнях, приводило к кровопролитным баталиям, заканчивавшихся порой тяжким увечьем, а то и смертью ребенка. Вот типологическая сценка середины 1870-х: *"В Красном переулке в последнее время чуть ни ежедневно в обеденный час происходят кулачные бои между еврейскими и русскими мальчишками, которые работают на табачных фабриках в этом переулке. Ввиду того, что разгорячившиеся бойцы зачастую прибегают для защиты себя и к посторонним предметам, как то камням, кускам дерева и др., не мешало бы полиции разгонять эту толпу, так как при этом могут пострадать ни в чем не повинные прохожие"*.

В это как раз время, осложненное общим кризисом в торговле, начали закрываться многие старейшие табачные производства Одессы. Закрывалась, например, просуществовавшая 30 лет фабрика Жубура. Новый кризис первой половины 1880-х повлек за собой закрытие одновременно пяти фабрик, в том числе и славного производства Крiona Папа Никола. Кому-то из предпринимателей везло больше, а возможно, он проявлял большую расторопность. Скажем, одесит Зафирий Пандаки получил серебряную медаль первой степени за приготовление табаку и папирос на "олимпиадской выставке" в Афинах. В это время в городе функционировало порядка 15-ти та-

бачных фабрик, число которых позднее несколько сократилось. Кроме того, естественно, регулярно осуществлялась и тайная фабрикация табаку. Замечательно, что одно из таких тайных производств находилось именно на Малой Арнаутской. К слову, ведь и знаменитая фабрика Поповых с некоторых пор помещалась на той же легендарной улице. Одесские мазурики и проститутки издавна имели в своем арсенале и папироски с дурманом: обкуренные горожане становились легкой добычей. Курьез: однажды большая партия контрабандного табаку и сигар пришла из Франции, остроумно упрятанной в детских лошадаках-качалках.

Теперь — о лучших производителях табаку и курительной бумаги. В числе первых, конечно, упоминавшийся уже первой гильдии купец Артем Попов. Его фабрика издавна дислоцировалась на Успенской, № 52. Однажды мне повезло обнаружить в прессе упоминание о необычном пожертвовании, сделанном этим фабрикантом накануне русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Дело в том, что российские ополченцы-добровольцы сражались в Сербии еще задолго до официального объявления войны. Многие из раненых воинов проходили лечение в Одессе. И вот тогда было устроено народное гулянье в их пользу, в ходе которого Попов и раздавал бесплатно лучшие сорта своих папирос. Он много экспериментировал, подбирая и тасуя "сортовые букеты". В 1880-х ему удалось скалькулировать составы, имитирующие тот или иной знакомый потребителю вкус. Так, большой резонанс произвели изобретенные им папиросы "Молочные", в точности воспроизводящие вкус парного молока. А стоили они всего по копейке за штуку. Это событие квалифицировали как подлинное открытие в области фабрикации пищевых продуктов.

И чтоб дольше не тянуть резину, скажу, что венец табачного производства Одессы всех времен, папиросы "Salve", также изобретение семейства Поповых. Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной, на виду, элегантно зеленоватая корбочка этих легендарных папиросок с синими "обшлагами". На лицевой стороне надпись: "SALVE, мундштук с фильтрующим патроном, привилегия 1910 г. № 17295, наследники А.М. Попова" и рисунок папиросы в разрезе. На изнанке корбочки: "САЛЬВЕ. 10 штук — 6 копеек. № 80. На основании статьи 940 Устава об акционерном обществе эти изделия запрещается продавать дороже выставленной на помещении цены. Табачная фабрика наследников А.М. Попова в Одессе. Вес табаку в 1000 штуках 1 фунт 36 золотников".

Папиросы эти обосновано считались одними из лучших в империи. Да что там говорить, "Сальве" курили комифотные парижанки из бомонда. В это время огромная фабрика наследников Попова, выстроенная по последнему слову техники с применением бетонных перекрытий, находилась на пересечении Малой Арнаутской и Пушкинской улиц. Даже в разгар "смутного времени" Поповы продолжали экспериментировать и разнообразить свой ассортимент. В "Одесском листке" от 2 октября 1919 года читаем: "Новый выпуск натуральных турецких табаков высшего качества Акционерного общества "Наследники А.М. Попова" — "Нил", "Гудал", "Арабик", "Турецкий" и др."

После гражданской войны бывшее производство Поповых продолжало успешно фабриковать привычные сорта руками старых мастеров и мастериц. В книге "Исхоженные детством" наш замечательный литературный краевед Ростислав Александров приводит такую вот остроумную рекламу в стиле ретро: *"Слава уходит, как дым, деньги уходят, как дым, жизнь уходит, как дым, но ничто так не вечно, как дым папирос "SALVE"*. Впрочем, еще долго одесские "Сальве" пользовались отменной репутацией в масштабах СССР. Отец рассказывал мне, какой фурор они произвели перед войной в Краснодарском артиллерийском училище, курсантом которого он тогда был, когда сколько-то пачек ему прислали родители. В хрущевское время на месте разрушенной в войну фабрики возвели колоссальный "образцовый универмаг".

Помимо семейств Поповых и Криона Папа Никола хорошую память оставили по себе в одесском табачном производстве Асвадуровы, Алабугины, Бабадаглы, Куфуди, Месаксуды, Ламба — последняя фабрика существовала с 1834 года. Производство торгового дома "Сыновья Исаака Асвадурова", напротив, из молодых, основано в 1886 году. Но уже два года спустя изделия фирмы получили большие золотые медали в Брюсселе и Лондоне. В собраниях коллекционеров сохранились папиросные коробки с оригинальными марками: "Бриллианты", "Европейские", "Смирна", "Польские", "Грация", "Амброзия", "Дюшес", "Демон", "Ласточка", "Гадалка", "Букет", "Календарь", "Армения", "Турчанка", "Восторг", "Бельгийские", "Графские", "Сильва", "Пушки", и даже — держите, меломаны! — "На-на". Особо отличились местные производители курительной бумаги. Лучший французский образец "Абади", правда, непросито было превзойти. Реализацией этой бумаги в Одессе занимался небезызвестный предприниматель Фридрих Кроне, выстроивший изысканный офис на Почтовой улице, в квартале между Екатерининской и Ришельевской, по четной стороне. Тем не менее, на тот же высочайший уровень удалось поднять одесскому купцу Иосифу Львовичу Конельскому.

Производство папиросной бумаги и гильз основано им на улице Ришельевской, № 32, в 1885 году. В фондах Государственного архива Одесской области сохранились любопытные документы и материалы о И.Л. Конельском, в частности, фотография 1911 года, на которой он изображен сидящим в смешном допотопном автомобиле "Форд", причем даже не за рулем, ибо баранку тогда замещал некий рычаг. Особення Конельского по улице Белинского, № 13, построенный в начале прошлого века, включен в реестр объектов культурного наследия. В 1910-е годы за фабрикантом папиросных гильз и курительной бумаги числится и другая недвижимость, по адресам: Пантелеймоновская, № 3А, Итальянский бульвар, № 4А, Вагнеровский переулок, № 2, дача на отрогах Французского бульвара к морю. В эти годы И.Л. Конельский состоял членом одного из участковых раскладных присутствий, то есть институции, ведавшей раскладкой городских налогов, сотрудником Общества пособия бедным больным на одесских лиманах и Общества вспомоществования нуждающимся учащимся еврейского ремесленного училища "Труд".

В моей коллекции имеется уникальное terracottовое фирменное блюдечко Конельского с рельефом, изображающим некоего порядочного господничка, подкуривающего пахитоску от спички, любезно поднесенной бонтоной же дамой. Кроме того, у меня есть и обложка книжки курительной бумаги с привлекательной фирменной атрибутикой и портретом самого предпринимателя. Здесь же уточняется: "Этикет утвержден Департаментом торговли и мануфактур 3 мая 1896 года за № 21461". Желтая майсовая бумага Конельского заслужила множество высших наград на всероссийских и международных вернисажах. Кроме того, неплохой репутацией пользовалась еще местная фабрика папиросной бумаги "Микель Эль".

Подверстаем сюда весьма курьезный эпизод. В очерке "Путешествие в Одессу" (1929 г.) Илья Ильф иронически повествует об одесских памятниках: мол, до революции их было лишь четыре, а ныне — не менее трехсот. "В садах и скверах, на бульварах и уличных перекрестках, — пишет он, — возвышаются ныне мраморные девушки, медные львы, нимфы, пастухи, играющие на свирелях, урны и гранитные поросята (...). Львы и поросята перенесены в горы из окрестных дач. Что же касается нимф и урн, то похоже на то, что они позаимствованы с кладбища. Как бы то ни было, вся эта садовая и кладбищенская скульптура очень забавно украсила Одессу".

Выясняется, однако, что предположение Ильфа вовсе не лишено оснований. Недавно заместитель директора Государственного архива Одесской области демонстрирова-

ла мне одно занятное дело как раз 1929 года, связанное с деятельностью городских коммунальных служб. Так вот, здесь есть сообщение о том, что надо обратиться к родственникам покойного фабриканта И.Л. Конельского с предложением отдать установленных на его могиле на втором еврейском кладбище двух мраморных львов "для украшения общественных садов"! Как это со знаком наоборот созвучно фрагменту фельетона братьев Тур, рассказавших о медной дверной табличке, как бы заменившей надгробие одному бедному присяжному поверенному: "Такой-то и такой-то, принимает в такие-то дни и часы".

И под занавес — обещанный сюжет о "Казбеке".

Жил в дореволюционной Одессе латышский мальчик Роберт Граббе. Матушка его была модисткой, а потому сынок нередко работал ножницами по выкройкам, и как-то само собой получилось, что стал делать силуэты. Еще любил юный Роберт певчих птичек, познакомился на этой почве с другим птицеловом — Эдиком Дзюбиным. Прошли годы, и уже в Москве художник Граббе иллюстрировал книжки Эдуарда Багрицкого и других известных литераторов. Что до "Казбека", эта знаменитая картина явилась позднее — в качестве халтуры для "Табактреста". Очевидно, в этой организации желали потрафить "великому кормчему" и заказали иллюстрацию на кавказский мотив. Отлично справившись с поручением, Граббе сделался подлинным народным художником — это произведение действительно знала вся страна. Самое примечательное заключается в том, что казбековский всадник на самом деле родился несколько раньше и гарцевал еще на титульном листе сборника стихов Багрицкого "Юго-Запад".

И раз уж мы коснулись литературной проблематики и "Казбека", не могу не поделиться еще одним интересным наблюдением. "Сейчас в кармане у него (А.И. Корейко. — О. Г.) в плоской железной коробке из-под папирос "Казбек" лежало десять тысяч рублей бумажками, достоинством по двадцать пять червонцев каждая". О чем тут пишут Ильф и Петров? В 1923 году в СССР были выпущены ассигнации достоинством 10, 15 и 25 тысяч рублей, а в выпуске 1924-го наибольшие номиналы, так называемые червонцы, составляли 25 и 50 рублей. Речь же в данном случае идет о 1930-м. В интервале между 1924-м и 1930-м никаких бумажных денег Гознак не печатал, а обмен старых к тому времени давно закончился. Следовательно, "на кармане" у подпольного миллионера были эти самые 25-рублевые купюры образца 1924 года.

Теперь — вопрос, заданный мне когда-то одесским библиофилом В.М. Гульдасом, современником тех самых событий. Каким образом в плоской железной коробке могла уместиться столь значительная сумма? Оставалось провести, что называется, следственный эксперимент. И мы провели его вполне аутентично, поскольку располагали двумя такими стандартными металлическими папиросными коробками и соответствующими купюрами. Одна из коробок — от "Казбека", другая, что примечательно, "ОДЕССКОГО ЦЕРОБКООПА", даже с указанием адреса главного магазина — улица Лассалю, то есть Дерibasовская, № 21. Теперь на месте этого дома возвышается недавно построенный торговый центр "Европа". Да, так вот, озаглавленная сумма ни за что не помещается в таких вот папиросницах. Выходит, мы еще не вполне внимательно читаем зачитанные до дыр и раздерганные на цитаты "Золотой теленок" и "Двенадцать стульев". Что-то авторы явно имели в виду, предумышленно вкрапляя в текст заведомо ложный и совершенно очевидный для современников факт. Что именно? Что курение отнимает много денег? Что деньги следует хранить в "социалистических гострудсберкассах"?

И дабы не быть обвиненным в пропаганде дурной привычки, вынужден заключить этот текст хрестоматийным: "МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ...".

Лада ПРОКОПОВИЧ АКВАРИУМ

Немецкий изобретатель Бруно Грубер запатентовал жевательную резинку для аквариумных рыбок. Пластичная масса содержит растительные ароматные вещества, например, из мяты, и успокаивает рыб.

Журнал "Наука и жизнь", № 6, 2005.

Тихо, спокойно, умиротворенно. Что может быть тише и умиротворенней аквариума? Все здесь располагает к философствованию, к размышлению над вечными вопросами бытия.

— Вот тут некоторые говорят — Бога нет, Бога нет! — задумчиво произнес старый облезлый гуппи, подплывая к передней стенке аквариума. — А кто воду в аквариуме меняет? А кто жвачки от стрессов нам выдает?..

Конечно, он знает, кто меняет воду и выдает жвачки. Он — один из немногих, кто знает это достоверно. Но в последнее время его стали одолевать сомнения, а сомнения в его возрасте...

— Дедушка Кусто! Дедушка Кусто! — прервал его раздумья веселый гомон мальков. — А тетя Скалярня сказала, что когда-то вы сражались с млекопитающим! Это правда? Это правда?

— У вашей тети Скалярни пылкое воображение, — недовольно прошептал Кусто. — Все было совсем не так.

— А как? А как? Расскажите! Расскажите!

— Неужели вам интересно слушать рассказы этого старого маразматика? — вильнула хвостом проплывающая мимо вуалехвостка Няда.

— А что такое "раз-математика"? — спросил самый маленький малек по имени Посейдон.

— Гребла бы ты отсюда, — тактично обратился Кусто к Няде, оставляя детский вопрос без ответа.

Няда фыркнула и снова вильнула хвостом. Ну, на то она и вертикалка... ой, то есть вуалехвостка. Кусто вздохнул и сказал:

— Ладно, детки, так и быть, расскажу вам эту страшную историю.

Кусто отплыл от переднего стекла и направился к каменному гроту, который был любовно сделан и заботливо установлен (опять же, кем сделан? кем установлен?) в глубине аквариума. Мальки шумно поплыли за ним в предвкушении увлекательного рассказа. Расположившись на живописном, поросшем редкой тиной камне, Кусто откашлялся и начал:

— Было это давно. Очень давно. Жил я тогда в другом аквариуме — чуть поменьше и без такого гротика. Ходили слухи, что хозяином нашего аквариума был Студент, но в это мало кто верил. Да это было и неважно. Нам было тепло, светло, сытно, кислорода хватало. Но вот однажды пополнили новые слухи — у Студента, или как его там, появился некто Кот. Бог его знает, откуда бралась вся эта информация, но вскоре стало известно, что Кот — это млекопитающее отряда кошачьих. Хищник. Любит рыбу. В смысле — любит ее есть. Да... В это тоже почти никто не верил, но спустя некоторое время по ту сторону стекла замелькала огромная мохнатая голова с зелеными глазами, длинными усами и зубами, как у пирании.

Мальки в ужасе сбились в стайку, плотно прижимаясь друг к другу. Казалось, что страх, порожденный словами Кусто, медленно распространяется по всему аквариуму, подчиняясь неумолимому закону диффузии. Даже улитки, эти безмозглые и бездушные существа, при слове "пирания" попрыгали в свои мобильные домики.

— Прошло еще немного времени, — хрипло продолжал Кусто, — и мы узнали, что бывает, когда в воду погружается кошачья лапа. Когти на этой лапе были еще больше и острее, чем зубы. А взбаламученный песок и экскременты оседали только к вечеру. Но это было еще не самое страшное. Настоящий апокалипсис наступил тогда, когда этот Кот упал к нам в аквариум.

Кусто задумался, и в воде повисла напряженная тишина. Мальки уже так сильно уплотнились, что не могли шевелить плавниками. У некоторых начались симптомы декомпенсации. Кусто поправил свою шапочку (в по-

следнее время часто мерзнет голова) и продолжал:

— Конечно, этот сухопутный идиот легко отделился. Его тут же выловили друзья Студента, или как его там, вытерли махровым полотенцем, уложили спать. А наши... Никто не выдержал такого стресса... Ведь успокоительных жвачек тогда не было... Я один остался в живых.

Кусто болезненно поморщился и поплыл в грот, где у него была припрятана заветная флажка. Пара глотков из нее помогали справиться со стрессом лучше, чем жвачка. Но мальши не должны этого видеть. Рано им еще.

Когда Кусто выплыл из грота, из всех мальков остался только Посейдон.

— А ты чего ж не уплыл с остальными ребятами? — с наигранной бодростью спросил его старик.

— Я... я хотел... — начал было Посейдон, но осекся и сказал совсем не то, что собирался: — Я хотел пригласить вас на мамин торг.

— О! С удовольствием, — оживился Кусто. — Твоя мама единственная, кто во всем этом райском местечке умеет готовить торт из сухого корма.

И два полупрозрачных, с бледными хвостами (у одного из-за старости, у другого по молодости) гуппи поплыли через весь аквариум к дому Посейдона. Проплывая мимо двух сомиков, думающих, что они удачно замаскировались в донной части, Кусто традиционно их поприветствовал:

— А, морская пехота! Здравия желаю.

"Морпехи", недовольные тем, что их так легко демаскировали, нервно повели усами, буркнули что-то в ответ и принялись подстраиваться под другую складку местности.

Затем гуппи проплыли мимо красивой раковины рапаны, в перламутровом чреве которой целовалась какая-то влюбленная парочка, а когда проплывали сквозь заросли зеленых и красновато-лиловых водорослей, Посейдон спросил:

— Это правда, что эти водоросли — не настоящие?

— Правда, — кивнул Кусто. — Они искусственные. Из пластмассы.

— А как выглядят настоящие?

— Выглядят точно так же. Но на ощупь и на вкус — другие. Совсем другие.

Посейдон не стал уточнять, какие именно, поскольку он уже заметил свою маму, суеющуюся вокруг стола. ...В самый разгар застолья мама, распаленная чаем и похвалами в адрес ее кулинарного шедевра, подвинулась поближе к Кусто и доверительно ему зашептала:

— Вы как мудрый, опытный гуппи, — при слове "опытный" Кусто поперхнулся, но мама как ни в чем не бывало продолжала, — вы должны поговорить с моим шалопаем. Он отказывается принимать успокоительные жвачки.

— Даже мятные? — удивился гость.

— Ни мятные, ни банановые... никакие. Не знаю, как его уговаривать. Может, вы попытаетесь его убедить?

— Постараюсь. Непременно, — согласился Кусто, смутно, однако, представляя себе этот воспитательный процесс.

А после чаепития Посейдон повел гостя в мамин сад камней, о котором в аквариуме ходили легенды. Известно, откуда мама брала все эти кровяки, но в ее коллекции были разноцветные гладко отшлифованные стеклышки, нежно-голубые бусинки, галька серых и зеленоватых камней и даже один сердоликовый осколок. В тот момент, когда Кусто рассматривал этот самый осколок, включилась местная подсветка, и сад камней превратился в россыпи драгоценностей, мерцающих волшебными бликами. Вся эта красота так увлекла Кусто, что он оказался совершенно не готовым к вопросу Посейдона, который тот задал тихим, но вкрадчивым голосом:

— А это правда, что рыб используют в научных экспериментах?

Кусто, не готовый не только к вопросу, но и к такой его формулировке в устах ребенка, растерялся.

— Откуда ты это узнал?

— Значит, это правда?
— Откуда ты это узнал?
— Ну... вчера вечером я услышал разговор за стеклом. Один голос спрашивал: "Зачем ты даешь им эти жвачки? Какие стрессы они могут переживать в этом аквариуме?..."

— Никаких, — перебил малыша Кусто, — если не считать Няды. Дальше.

— А другой голос отвечал: "В этом, допустим, никаких. Но откуда я знаю, что им пришлось пережить в других?". Тогда первый голос рассмеялся и сказал: "Не смеши меня". А второй голос сказал: "Ты зря смеешься. А что, если над этими рыбками ставили научные эксперименты?". На что первый голос сказал: "Тогда им никакие жвачки не помогли бы".

Кусто схватился за голову:

— Боже мой! Боже мой! Как же можно такие разговоры вести при детях?!

— Я уже не ребенок! — обиделся Посейдон. — Я не икринка какая-нибудь! Я сразу родился рыбой!

"Ох уж эти индюшата!" — подумал Кусто, обычно не склонный к старческому брюзжанию, но в данном случае осознающий сложность общения с поколением "индиго". Ведь всю душу из тебя вытрясут, пока не получат того, чего хотят. Попробуй тут отделиться старой доброй сказкой!

Кусто вспомнил, как примерно неделю назад тоже кое-что услышал за этим стеклом. Хозяйка читала своему четырехлетнему сыну сказку про жучка, а потом сказала: "И ты у меня, совсем как этот жучок". А сын ей: "Я не жучок! Я люди!".

Вот и этот туда же: "Я рыба!".

— Ладно, — махнул плавником старик. — Видно, день сегодня такой. Придется рассказать тебе еще одну историю из моей жизни.

— Ух ты! — возликовал юный гуппи.

— Видишь ли, Посейдон, — с грустью выдохнул Кусто, — я однажды попал в такой эксперимент.

Старик на секунду умолк, прикидывая в уме уровень подготовки аудитории, но вспомнив формулировку детского вопроса, решил не ограничивать себя в научных терминах.

— В современной науке, — изрек он профессорским тоном, — есть методика, позволяющая определять токсическое действие воды с помощью биологических тест-объектов. На роль этих тест-объектов обычно берут нас. При этом называют нас не просто гуппи, а по-научному длинно и вычурно — *Poecilia reticulata Peters*. Примазался тут, понимаешь, какой-то Петерс... А методика, в отличие от средневековых пыток, довольно проста. Берут два аквариума. В один наливают обыкновенную чистую воду, а в другой — ту, качество которой надо определить. Первый аквариум называют контрольным, а второй — опытным. А потом в каждый из них запускают по 100 гуппи. Когда рыбы начинаютдохнуть, ученые фиксируют время и факт смерти, а затем вычисляют процентное соотношение смертей в двух аквариумах. Правда, в том тестировании, в какое попал я, молодая Ученая, или как ее там, из самых гуманных соображений взяла не по 100 особей, а только по 10, полагая, что на чистоту эксперимента это не повлияет. Но это служило малым утешением. Ведь в опытный аквариум она налила сточные воды какого-то местного завода... И уже через 15 минут в этих водах все наши братья плавали вверх брюхом. Все! Все до единого! Тысяча чертей ей в селезенку!

— А вы остались живы, потому что оказались в контрольном аквариуме? — спросил Посейдон.

— Ты очень догадлив, сынок. Да. Второй раз в жизни мне крупно повезло.

Посейдон захотелось сказать что-то теплое и нежное этому старому гуппи с благородной сединой в плавниках, но он никак не мог совладать с собственным речевым аппаратом: слова путались, сбивались в клубок, и этот клубок застревал в горле, не желая распутываться тонкой задушевной речью.

— Так что, друг мой, никогда не стоит отказываться от успокоительной жвачки, — резюмировал Кусто, вспоминая обещание, данное им матери этого любознательного сорванца.

— Угу, — буркнул Посейдон, не в силах возражать своему старому другу.

Они попрощались, и Кусто поплыл в свой закуток. Наступала тихая, спокойная ночь. Что может быть спокойнее и умиротвореннее ночи, ночи в аквариуме?

Помимо семейств Поповых и Крiona Папа Никола хорошую память оставили по себе в одесском табачном производстве Асвадуровы, Алабугины, Бабадаглы, Куфуди, Месаксуды, Ламба — последняя фабрика существовала с 1834 года. Производство торгового дома "Сыновья Исаака Асвадурова", напротив, из молодых, основано в 1886 году. Но уже два года спустя изделия фирмы получили большие золотые медали в Брюсселе и Лондоне. В собраниях коллекционеров сохранились папиросные коробки с оригинальными марками: "Бриллианты", "Европейские", "Смирна", "Польские", "Грация", "Амброзия", "Дюшес", "Демон", "Ласточка", "Гадалка", "Букет", "Календарь", "Армения", "Турчанка", "Восторг", "Бельгийские", "Графские", "Сильва", "Пушки", и даже — держите, меломаны! — "На-на". Особо отличились местные производители курительной бумаги. Лучший французский образец "Абади", правда, непросито было превзойти. Реализацией этой бумаги в Одессе занимался небезызвестный предприниматель Фридрих Кроне, выстроивший изысканный офис на Почтовой улице, в квартале между Екатерининской и Ришельевской, по четной стороне. Тем не менее, на тот же высочайший уровень удалось поднять одесскому купцу Иосифу Львовичу Конельскому.

Производство папиросной бумаги и гильз основано им на улице Ришельевской, № 32, в 1885 году. В фондах Государственного архива Одесской области сохранились любопытные документы и материалы о И.Л. Конельском, в частности, фотография 1911 года, на которой он изображен сидящим в смешном допотопном автомобиле "Форд", причем даже не за рулем, ибо баранку тогда замещал некий рычаг. Особення Конельского по улице Белинского, № 13, построенный в начале прошлого века, включен в реестр объектов культурного наследия. В 1910-е годы за фабрикантом папиросных гильз и курительной бумаги числился и другая недвижимость, по адресам: Пантелеймоновская, № 3А, Итальянский бульвар, № 4А, Вагнеровский переулок, № 2, дача на отрогах Французского бульвара к морю. В эти годы И.Л. Конельский состоял членом одного из участковых раскладных присутствий, то есть институции, ведавшей раскладкой городских налогов, сотрудником Общества пособия бедным больным на одесских лиманах и Общества вспомоществования нуждающимся учащимся еврейского ремесленного училища "Труд".

В моей коллекции имеется уникальное терракотовое фирменное блюдечко Конельского с рельефом, изображающим некоего порядочного господничка, подкуривающего пахитоску от спички, любезно поднесенной бонтоной же дамой. Кроме того, у меня есть и обложка книжки курительной бумаги с привлекательной фирменной атрибутикой и портретом самого предпринимателя. Здесь же уточняется: "Этикет утвержден Департаментом торговли и мануфактур 3 мая 1896 года за № 21461". Желтая майсовая бумага Конельского заслужила множество высших наград на всероссийских и международных вернисажах. Кроме того, неплохой репутацией пользовалась еще местная фабрика папиросной бумаги "Микель Эль".

Подверстаем сюда весьма курьезный эпизод. В очерке "Путешествие в Одессу" (1929 г.) Илья Ильф иронически повествует об одесских памятниках: мол, до революции их было лишь четыре, а ныне — не менее трехсот. "В садах и скверах, на бульварах и уличных перекрестках, — пишет он, — возвышаются ныне мраморные девушки, медные львы, нимфы, пастухи, играющие на свирелях, урны и гранитные поросята (...). Львы и поросята перенесены в горы из окрестных дач. Что же касается нимф и урн, то похоже на то, что они позаимствованы с кладбища. Как бы то ни было, вся эта садовая и кладбищенская скульптура очень забавно украсила Одессу".

Выясняется, однако, что предположение Ильфа вовсе не лишено оснований. Недавно заместитель директора Государственного архива Одесской области демонстрирова-

ла мне одно занятное дело как раз 1929 года, связанное с деятельностью городских коммунальных служб. Так вот, здесь есть сообщение о том, что надо обратиться к родственникам покойного фабриканта И.Л. Конельского с предложением отдать установленных на его могиле на втором еврейском кладбище двух мраморных львов "для украшения общественных садов"! Как это со знаком наоборот созвучно фрагменту фельетона братьев Тур, рассказавших о медной дверной табличке, как бы заменившей надгробие одному бедному присяжному поверенному: "Такой-то и такой-то, принимает в такие-то дни и часы".

И под занавес — обещанный сюжет о "Казбеке".

Жил в дореволюционной Одессе латышский мальчик Роберт Граббе. Матушка его была модисткой, а потому сынок нередко работал ножницами по выкройкам, и как-то само собой получилось, что стал делать силуэты. Еще любил юный Роберт певчих птичек, познакомился на этой почве с другим птицеловом — Эдиком Дзюбиным. Прошли годы, и уже в Москве художник Граббе иллюстрировал книжки Эдуарда Багрицкого и других известных литераторов. Что до "Казбека", эта знаменитая картина явилась позднее — в качестве халтуры для "Табактреста". Очевидно, в этой организации желали потрафить "великому кормчему" и заказали иллюстрацию на кавказский мотив. Отлично справившись с поручением, Граббе сделался подлинным народным художником — это произведение действительно знала вся страна. Самое примечательное заключается в том, что казбековский всадник на самом деле родился несколько раньше и гарцевал еще на титульном листе сборника стихов Багрицкого "Юго-Запад".

И раз уж мы коснулись литературной проблематики и "Казбека", не могу не поделиться еще одним интересным наблюдением. "Сейчас в кармане у него (А.И. Корейко. — О. Г.) в плоской железной коробке из-под папирос "Казбек" лежало десять тысяч рублей бумажками, достоинством по двадцать пять червонцев каждая". О чем тут пишут Ильф и Петров? В 1923 году в СССР были выпущены ассигнации достоинством 10, 15 и 25 тысяч рублей, а в выпуске 1924-го наибольшие номиналы, так называемые червонцы, составляли 25 и 50 рублей. Речь же в данном случае идет о 1930-м. В интервале между 1924-м и 1930-м никаких бумажных денег Гознак не печатал, а обмен старых к тому времени давно закончился. Следовательно, "на кармане" у подпольного миллионера были эти самые 25-рублевые купюры образца 1924 года.

Теперь — вопрос, заданный мне когда-то одесским библиофилом В.М. Гульдасом, современником тех самых событий. Каким образом в плоской железной коробке могла уместиться столь значительная сумма? Оставалось провести, что называется, следственный эксперимент. И мы провели его вполне аутентично, поскольку располагали двумя такими стандартными металлическими папиросными коробками и соответствующими купюрами. Одна из коробок — от "Казбека", другая, что примечательно, "ОДЕССКОГО ЦЕРОБКООПА", даже с указанием адреса главного магазина — улица Лассалю, то есть Дерibasовская, № 21. Теперь на месте этого дома возвышается недавно построенный торговый центр "Европа". Да, так вот, озаглавленная сумма ни за что не помещается в таких вот папиросницах. Выходит, мы еще не вполне внимательно читаем зачитанные до дыр и раздерганные на цитаты "Золотой теленок" и "Двенадцать стульев". Что-то авторы явно имели в виду, предумышленно вкрапляя в текст заведомо ложный и совершенно очевидный для современников факт. Что именно? Что курение отнимает много денег? Что деньги следует хранить в "социалистических гострудсберкассах"?

И дабы не быть обвиненным в пропаганде дурной привычки, вынужден заключить этот текст хрестоматийным: "МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ...".

Лада ПРОКОПОВИЧ АКВАРИУМ

Немецкий изобретатель Бруно Грубер запатентовал жевательную резинку для аквариумных рыбок. Пластичная масса содержит растительные ароматные вещества, например, из мяты, и успокаивает рыб.

Журнал "Наука и жизнь", № 6, 2005.

Тихо, спокойно, умиротворенно. Что может быть тише и умиротворенней аквариума? Все здесь располагает к философствованию, к размышлению над вечными вопросами бытия.

— Вот тут некоторые говорят — Бога нет, Бога нет! — задумчиво произнес старый облезлый гуппи, подплывая к передней стенке аквариума. — А кто воду в аквариуме меняет? А кто жвачки от стрессов нам выдает?..

Конечно, он знает, кто меняет воду и выдает жвачки. Он — один из немногих, кто знает это достоверно. Но в последнее время его стали одолевает сомнения, а сомнения в его возрасте...

— Дедушка Кусто! Дедушка Кусто! — прервал его раздумья веселый гомон мальков. — А тетя Скалярня сказала, что когда-то вы сражались с млекопитающим! Это правда? Это правда?

— У вашей тети Скалярни пылкое воображение, — недовольно прошептал Кусто. — Все было совсем не так.

— А как? А как? Расскажите! Расскажите!

— Неужели вам интересно слушать рассказы этого старого маразматика? — вильнула хвостом проплывающая мимо вуалехвостка Няда.

— А что такое "раз-математика"? — спросил самый маленький малек по имени Посейдон.

— Гребла бы ты отсюда, — тактично обратился Кусто к Няде, оставляя детский вопрос без ответа.

Няда фыркнула и снова вильнула хвостом. Ну, на то она и вертикалка... ой, то есть вуалехвостка. Кусто вздохнул и сказал:

— Ладно, детки, так и быть, расскажу вам эту страшную историю.

Кусто отплыл от переднего стекла и направился к каменному гроту, который был любовно сделан и заботливо установлен (опять же, кем сделан? кем установлен?) в глубине аквариума. Мальки шумно поплыли за ним в предвкушении увлекательного рассказа. Расположившись на живописном, поросшем редкой тиной камне, Кусто откашлялся и начал:

— Было это давно. Очень давно. Жил я тогда в другом аквариуме — чуть поменьше и без такого гротика. Ходили слухи, что хозяином нашего аквариума был Студент, но в это мало кто верил. Да это было и неважно. Нам было тепло, светло, сытно, кислорода хватало. Но вот однажды пополнили новые слухи — у Студента, или как его там, появился некто Кот. Бог его знает, откуда бралась вся эта информация, но вскоре стало известно, что Кот — это млекопитающее отряда кошачьих. Хищник. Любит рыбу. В смысле — любит ее есть. Да... В это тоже почти никто не верил, но спустя некоторое время по ту сторону стекла замелькала огромная мохнатая голова с зелеными глазами, длинными усами и зубами, как у пирании.

Мальки в ужасе сбились в стайку, плотно прижимаясь друг к другу. Казалось, что страх, порожденный словами Кусто, медленно распространяется по всему аквариуму, подчиняясь неумолимому закону диффузии. Даже улитки, эти безмозглые и бездушные существа, при слове "пирания" попрыгали в свои мобильные домики.

— Прошло еще немного времени, — хрипло продолжал Кусто, — и мы узнали, что бывает, когда в воду погружается кошачья лапа. Когти на этой лапе были еще больше и острее, чем зубы. А взбаламученный песок и экскременты оседали только к вечеру. Но это было еще не самое страшное. Настоящий апокалипсис наступил тогда, когда этот Кот упал к нам в аквариум.

Кусто задумался, и в воде повисла напряженная тишина. Мальки уже так сильно уплотнились, что не могли шевелить плавниками. У некоторых начались симптомы декомпенсации. Кусто поправил свою шапочку (в по-

следнее время часто мерзнет голова) и продолжал:

— Конечно, этот сухопутный идиот легко отделился. Его тут же выловили друзья Студента, или как его там, вытерли махровым полотенцем, уложили спать. А наши... Никто не выдержал такого стресса... Ведь успокоительных жвачек тогда не было... Я один остался в живых.

Кусто болезненно поморщился и поплыл в грот, где у него была припрятана заветная флажка. Пара глотков из нее помогали справиться со стрессом лучше, чем жвачка. Но мальши не должны этого видеть. Рано им еще.

Когда Кусто выплыл из грота, из всех мальков остался только Посейдон.

— А ты чего ж не уплыл с остальными ребятами? — с наигранной бодростью спросил его старик.

— Я... я хотел... — начал было Посейдон, но осекся и сказал совсем не то, что собирался: — Я хотел пригласить вас на мамин торг.

— О! С удовольствием, — оживился Кусто. — Твоя мама единственная, кто во всем этом райском местечке умеет готовить торт из сухого корма.

И два полупрозрачных, с бледными хвостами (у одного из-за старости, у другого по молодости) гуппи поплыли через весь аквариум к дому Посейдона. Проплывая мимо двух сомиков, думающих, что они удачно замаскировались в донной части, Кусто традиционно их поприветствовал:

— А, морская пехота! Здравия желаю.

"Морпехи", недовольные тем, что их так легко демаскировали, нервно повели усами, буркнули что-то в ответ и принялись подстраиваться под другую складку местности.

Затем гуппи проплыли мимо красивой раковины рапаны, в перламутровом чреве которой целовалась какая-то влюбленная парочка, а когда проплывали сквозь заросли зеленых и красновато-лиловых водорослей, Посейдон спросил:

— Это правда, что эти водоросли — не настоящие?

— Правда, — кивнул Кусто. — Они искусственные. Из пластмассы.

— А как выглядят настоящие?

— Выглядят точно так же. Но на ощупь и на вкус — другие. Совсем другие.

Посейдон не стал уточнять, какие именно, поскольку он уже заметил свою маму, суеющуюся вокруг стола. ...В самый разгар застолья мама, распаленная чаем и похвалами в адрес ее кулинарного шедевра, подвинулась поближе к Кусто и доверительно ему зашептала:

— Вы как мудрый, опытный гуппи, — при слове "опытный" Кусто поперхнулся, но мама как ни в чем не бывало продолжала, — вы должны поговорить с моим шалопаем. Он отказывается принимать успокоительные жвачки.

— Даже мятные? — удивился гость.

— Ни мятные, ни банановые... никакие. Не знаю, как его уговаривать. Может, вы попытаетесь его убедить?

— Постараюсь. Непременно, — согласился Кусто, смутно, однако, представляя себе этот воспитательный процесс.

А после чаепития Посейдон повел гостя в мамин сад камней, о котором в аквариуме ходили легенды. Известно, откуда мама брала все эти кровяки, но в ее коллекции были разноцветные гладко отшлифованные стеклышки, нежно-голубые бусинки, галька серых и зеленоватых камней и даже один сердоликовый осколок. В тот момент, когда Кусто рассматривал этот самый осколок, включилась местная подсветка, и сад камней превратился в россыпи драгоценностей, мерцающих волшебными бликами. Вся эта красота так увлекла Кусто, что он оказался совершенно не готовым к вопросу Посейдона, который тот задал тихим, но вкрадчивым голосом:

— А это правда, что рыб используют в научных экспериментах?

Кусто, не готовый не только к вопросу, но и к такой его формулировке в устах ребенка, растерялся.

— Откуда ты это узнал?

— Значит, это правда?
— Откуда ты это узнал?
— Ну... вчера вечером я услышал разговор за стеклом. Один голос спрашивал: "Зачем ты даешь им эти жвачки? Какие стрессы они могут переживать в этом аквариуме?..."

— Никаких, — перебил малыша Кусто, — если не считать Няды. Дальше.

— А другой голос отвечал: "В этом, допустим, никаких. Но откуда я знаю, что им пришлось пережить в других?". Тогда первый голос рассмеялся и сказал: "Не смеши меня". А второй голос сказал: "Ты зря смеешься. А что, если над этими рыбками ставили научные эксперименты?". На что первый голос сказал: "Тогда им никакие жвачки не помогли бы".

Кусто схватился за голову:

— Боже мой! Боже мой! Как же можно такие разговоры вести при детях?!

— Я уже не ребенок! — обиделся Посейдон. — Я не икринка какая-нибудь! Я сразу родился рыбой!

"Ох уж эти индюшата!" — подумал Кусто, обычно не склонный к старческому брюзжанию, но в данном случае осознающий сложность общения с поколением "индиго". Ведь всю душу из тебя вытрясут, пока не получат того, чего хотят. Попробуй тут отделиться старой доброй сказкой!

Кусто вспомнил, как примерно неделю назад тоже кое-что услышал за этим стеклом. Хозяйка читала своему четырехлетнему сыну сказку про жучка, а потом сказала: "И ты у меня, совсем как этот жучок". А сын ей: "Я не жучок! Я люди!".

Вот и этот туда же: "Я рыба!".

— Ладно, — махнул плавником старик. — Видно, день сегодня такой. Придется рассказать тебе еще одну историю из моей жизни.

— Ух ты! — возликовал юный гуппи.

— Видишь ли, Посейдон, — с грустью выдохнул Кусто, — я однажды попал в такой эксперимент.

Старик на секунду умолк, прикидывая в уме уровень подготовки аудитории, но вспомнив формулировку детского вопроса, решил не ограничивать себя в научных терминах.

— В современной науке, — изрек он профессорским тоном, — есть методика, позволяющая определять токсическое действие воды с помощью биологических тест-объектов. На роль этих тест-объектов обычно берут нас. При этом называют нас не просто гуппи, а по-научному длинно и вычурно — *Poecilia reticulata Peters*. Примазался тут, понимаешь, какой-то Петерс... А методика, в отличие от средневековых пыток, довольно проста. Берут два аквариума. В один наливают обыкновенную чистую воду, а в другой — ту, качество которой надо определить. Первый аквариум называют контрольным, а второй — опытным. А потом в каждый из них запускают по 100 гуппи. Когда рыбы начинаютдохнуть, ученые фиксируют время и факт смерти, а затем вычисляют процентное соотношение смертей в двух аквариумах. Правда, в том тестировании, в какое попал я, молодая Ученая, или как ее там, из самых гуманных соображений взяла не по 100 особей, а только по 10, полагая, что на чистоту эксперимента это не повлияет. Но это служило малым утешением. Ведь в опытный аквариум она налила сточные воды какого-то местного завода... И уже через 15 минут в этих водах все наши братья плавали вверх брюхом. Все! Все до единого! Тысяча чертей ей в селезенку!

— А вы остались живы, потому что оказались в контрольном аквариуме? — спросил Посейдон.

— Ты очень догадлив, сынок. Да. Второй раз в жизни мне крупно повезло.

Посейдон захотелось сказать что-то теплое и нежное этому старому гуппи с благородной сединой в плавниках, но он никак не мог совладать с собственным речевым аппаратом: слова путались, сбивались в клубок, и этот клубок застревал в горле, не желая распутываться тонкой задушевной речью.

— Так что, друг мой, никогда не стоит отказываться от успокоительной жвачки, — резюмировал Кусто, вспоминая обещание, данное им матери этого любознательного сорванца.

— Угу, — буркнул Посейдон, не в силах возражать своему старому другу.

Они попрощались, и Кусто поплыл в свой закуток. Наступала тихая, спокойная ночь. Что может быть спокойнее и умиротвореннее ночи, ночи в аквариуме?

1 ИЮНЯ — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Вит. Заремко/Одесса

Вит. Заремко/Одесса

Вит. Заремко/Одесса

Вит. Заремко/Одесса

Вит. Заремко/Одесса

Витя Тарасенко

Витя Тарасенко

Витя Тарасенко

Витя Тарасенко

Витя Тарасенко

Витя Тарасенко

Александр ДОРОШЕНКО

Третье и последнее?

*"Гавриил, трубя в свою трубу, возвещает
не о нас, а об идущих вместо нас".*

Виктор Шкловский. Жили-были

*"Час кончины —
он приходит
тихо-тихо.
Не услышишь.
И уходит молча счастье,
И уходят мыши.
Только горе неизменно.
Заржавел пасхальный чайник!
И задумаются стены.
И —
Молчанье...
О-о-о, время!
"Глохо"... "Хорошо"...
Оно и так
и этак вертит,
и если новым
срок пришел,
то, значит, старым —
время смерти...
Да, если новым срок пришел,
то, значит, старым —
фэртиг!..."*

Иосиф Уткин. Повесть о рыжем Мотэле

Народ Библии

Самое молодое, с могилами от пятидесятих, но есть захоронения, перенесенные с уничтоженного второго, со старыми памятниками. Например, Иосиф Гербер, с могилой плитой от 1934 года. И могила раввинов, что справа от входа. Кладбище в кольце заводов, и за его заборами всюду скрежет и шум производства, грязь и копоть, и шумная автострада — единственный здесь жизненный шум, никогда не утихающий и слышимый особенно ночью. Как злобное шипение живой жизни в сторону мертвых. Так рычит собака, пробегающая мимо и знающая, что укусить не может, но и сдерживать свои чувства не в силах. Но теперь, когда уже разрослись деревья и зазеленели глухие заросли кустов, на кладбищенских аллеях легла тишина вечности. Многие его постояльцы когда-то работали здесь же, неподалеку, на "Кислородмаше" и "Нептуне"...

Очень чистое, ухоженное, опрятное. Нет гор мусора с пивными бутылками и объедками, нет обрушенных оград. Очень тихое — настоящее еврейское. В Городе всегда знали — евреев хорошо иметь соседями. Здесь — одни евреи!

Оно третье, единственное сохранившееся, два предыдущих сметены с лица земли². Два предыдущих — теперь подземные, тайные кладбища. Как у первохристиан, которые тоже, в основном, были евреями. Последнее в Городе, оно лишено оснований роста, — нет больше в городе евреев. А четвертому быть не дано!

Оно сиротское. У кладбища должны быть живые родственники. Приходящие к своим мертвым и готовящиеся в свой час занять здесь места. Приходящие, чтобы посидеть у могил, поговорить — и так мертвые узнают семейные новости, а кладбище постепенно привыкает к будущим постояльцам. Теперь родственники живут в других странах и приезжают редко. Они как бы убежали от смерти или играют с ней в прятки. Сюда за них приходят чужие люди — порученцы, те, кому поручено следить за могилами. Они наняли нянек к своим мертвым. Это эмигрантское кладбище.

Но и убежать — никому еще не вышло, там, где они теперь, в этих правильных и вкусных странах, — там они иммигранты, а иммигранты это заживо похороненные люди, это люди, носящие свое кладбище всегда и всюду с собой! И вот ведь странность, там великолепна медицина и там изумительно чистые продукты, там нет нашей грязи, внутренней и внешней, — там, в этом раю, созданном для них местными аборигенами, — они ведь все равно умирают. Почему?

Эти еврейские кладбища и еврейские дома, и синагоги — стали наглядным доказательством, что когда-то в Городе жили евреи. Жило странное племя, многочисленное, как песок на берегах Отрады и Фонтанов, живое и переливающееся всеми красками жизни, как ртуть, проникающее везде и всюду и входя-

щее во все стороны и элементы живой жизни составной частью, самой красочной и сочной. Они остались незримо — в языке — певчими интонациями, в головах горожан — склонностью к парадоксу, к восприятию жизни в чуть измененном углу зрения или сразу в нескольких углах. И тогда привычное для всех остальных начинало двоиться и троиться, серьезное становилось темой анекдота, а веселое приобретало неповторимость. Оно осталось в глазах горожан смешинкой и прищуром, и посторонний северный житель так и не сможет понять — что такое в этих глазах, на что они смотрят еще, кроме видного ему, и чему они тут радуются, в этой малорадостной жизни.

Мы — оставшиеся — стали наследниками этих евреев, даже никогда и никому не приходит даром. Такое не забывается, даже если ты сам не успел увидеть и прикоснуться. Оно переходит к нам не темой застарелого анекдота, не записью в книжках — но из воздуха, которым мы дышим на улицах этого единственного в истории людей Города, и этот воздух вне закона страны — любой страны, которая стояла здесь раньше и возникнет потом, мы, горожане, — только в известной мере знаем свое происхождение. Записанное в документах, оно убедительно лживо, наше происхождение — тех, кто здесь родился и вырос, тех, кто здесь ходил и бегал, кто ценовал здесь девушек, — да просто тех, кто пил свой утренний кофе на углу Преображенской и Малого переулка, — наше происхождение много сложнее, и копаться в нем не следует. Так что, кто мы на самом деле — это знает только наш Великий Город, мы только догадываемся, а остальным не понять.

Как много было в Городе евреев, теперь можно увидеть на этих кладбищенских аллеях. И убедиться, как характерны эти лица на памятных фотографиях, и присмотревшись, понять, что это не кладбищенский род фотографий, что теперь, отстоявшись во времени, они стали подлинником — это лица со страниц Библии, это Народ со страниц Ветхого Завета, только чуть заграмированный в новые одежды, но если не смотреть ниже головы — это библейский народ, и тысячи тысяч лет с ним, с этим неукротимым народом, ничего не смоги поделаться. Такими мы были все, когда Господь впервые нас рассмотрел, нас, свое самое странное и непокорное создание, — и рассмотрев, испугался. Он пытался множество раз нас вразумить и изменить — но присмотрев к этим лицам, и как ты думаешь? — этих людей можно заставить что-нибудь делать, кроме их самоуправства?

На заре времен, живя молодым еще народом, они сказали о себе: мы единственные, призванные и избранные Богом, и нам завещана эта земля — вся целиком. Народом окружения это мало понравилось, но вот миновали тысячелетия, и произошла странная вещь: от них, от великих современников народа евреев, от древних греков и персов, мидян, ливийцев и египтян, хеттов и ассирийцев с вавилонянами, и много позднее возникшего Рима, — ровным счетом ничего не осталось, а Народ жив, и живет сегодня среди молодых народов земли. И все попытки изменить его или погубить, все страшные гонения этих двух тысяч лет ничего с Народом не смогли поделаться. Он продолжает жить на земле, поражая и изумляя всех меняющихся современников. И странное пророчество, кем-то сказанное о Народу: "Раньше их мы пришли и позже уйдем", — оправдывается вот уже несколько тысяч лет.

Какой Народ — иллюстрацией Библии, ее древних страниц, и если иные молодые народы земли это могут узнать только написанным на древних страницах, нам это дано увидеть воочию — здесь! Присмотрись, вот это лицо неповторимо чертами, и древность его просто в том, что рядом с ним узнаваемо лицо филистимлянина или ассирийца, или хетта — эти лица во времени были рядом, во времени и жизни.

Шестиконечные звезды и чеканный ивритский алфавит. Господь читает эти письмена — что же Ему еще читать? И потом, Он, возможно, иных языков просто не знает, за ненадобностью. Ведь знал же Его Сын только один язык, на котором говорили тогда евреи, — арамейский.

Евреи — кругом одни евреи!

Здесь — это точно — одни евреи, и теперь — уже только здесь!

В именах — путь предков. Можно прочесть, через какие страны шли, — Германию, Австрию, Польшу. Об Испании память затерялась в веках

и искажилась — так Борух д'Эспиноса стал Бенедиктом Спинозой. Так мы изменили свои настоящие древние имена и приняли клички...

Наши предки были везде, в любой стране и уголке мира, во всех его городах. Их изгоняли отовсюду, но спустя некоторое время они вновь уже были в этих городах — всем, капиталом и культурой. И всегда — самими собой. Любой житель земли, приехав в чужую страну, с удивлением озирается — на иной мир и обычаи. Ему все здесь чужое. Мне любой город, в который я приезжал впервые, — Берлин, Амстердам и Лондон, Рим и Париж — были свои, я знал, что уже был здесь раньше, раньше местных аборигенов, я знал, что мои предки здесь жили, я спрашивал, где тут еврейский старый квартал, и этот квартал всегда находился, в Вене ли, или в Пизе — чуть позади этой наклоненной башни. В Пизе это квартал мертвых, старинное кладбище, и оно много старше этой знаменитой башни. Я не приезжал в эти города — я возвращался!

Мои еврейские предки — из Испании, мои украинские — из-под Чернигова, и мне лечь — нет такого кладбища, или, наоборот, я могу на любом.

Немецкие еврейские имена, из Ашкеназа, — их большинство — штейны — боймы — маны — баумы — (на заре истории евреи одну букву удвоили, и так Аврам стал Авраамом; в конце времен — потеряли, и Авраам вернулся к первоначалам, став в России Абрамом).

Просто — Шендл Ук.

И польские в основе, они родились от имен местечек — штетлов — и городов: Шкловские, Шаргородские, Винницкие, Шарнопольские, Юзефпольские, Херсонские, Одесские... (А как возникли евреи Женевские, Парижские, Римские и Орлеанские?) Если что-то случится со старой Европой — евреи сохранят ее географию в своих именах!

Жуковские — Бася, Виня и Давью... Эта фамилия есть гордость нашей культуры, от словесности до воздухоплавания.

Профессиональные — Палатник (в далеком Израиле живет мой друг Иосиф Палатник. Как часто прелестными вечерами мы гуляли с ним улицами Города, а идущий и беседующий с нами третьим вечер медленнее и незаметно спускал свои тени и полотно, обволакивая нас и утешая, и скрадывая напряжение чувств, как будто гладил ладонью щеку, или посылал ветерок, освежить нам лицо, или подсказать нужное слово, но так, на ушко, чтобы была незаметной подсказка. Мы шли долго и присаживались по дороге в кафе выпить рюмку вечернего коньячка. Как мне теперь не хватает твоего тихого, насыщенного жизненной теплотой голоса, Иосиф! — и твоих внимательных глаз!), Мучник, Меламуд, Резник, Кантор (кантором был Иоганн Себастьян Бах, и еще есть такой базарный прибор для измерения веса, придуманный одесским евреем по имени Кантор), Бетя Пивовар (так звали подружку молодости моей мамы), Голда Архитектор, Адвокат (нет, это профессия, а имя указано ниже — как реклама на дверях конторы — постучи, зайди, посоветуйся: адвокат Абрам Моисеевич Адвокат; у еврея не могла быть фамилия Прокурор — это была прерогатива местных, а евреи были хорошими адвокатами, так что фамилия Шапиро перешла в фольклор как обозначение адвоката: "пришел ко мне Шапиро, / мой защитничек старик, / сказал — не миновать тебе аресту")...

Ну, конечно, им — адвокатами, нам — на нары, каждому свое! Где — мне?

Как много в этих именах от нашей живой жизни — в нашей истории Лжедмитрием Вторым самозванцем, евреем из города Шклова, любовником и мужем Марины, отцом ее ребенка и основателем династии Романовых;⁴ в нашей литературе Виктором Шкловским, так много обещавшим в яркой своей и бурной молодости, и послужившим классическим примером, как не следует жить; в моей счастливой судьбе инженер-полковником Шаргородским, моим московским другом, — как часто мы сживали с ним в арбатских кафе неподалеку от его номерной конторы на Смоленской, как уютно и хорошо нам бывало вместе. Сколько их было, толковых и просто хороших

⁴ Лжедмитрий I сделал Федора Романова митрополитом, а Лжедмитрий II — тушинский вор, сделал его патриархом под именем Филарета, что и предопределило становление всей романовской династии, то есть в исторических корнях эта династия — незаконна! И если подумать, то ведь этого следовало ожидать, что одно время у нас в России был царем еврей, школьный учитель из города Шклова — Лжедмитрий Второй! Помимо всего, это делает царскую власть в России преемницей царей в Израиле, и никакая королевская власть в Европе этим похвалиться не может! (Прим. автора.)

друзей и подруг с этими местечковыми именами предков, людей европейской лучшей культуры! Как совсем их теперь не стало!

Прямая калька с еврейского — Сын-Меер... (Бар-Кохба — Сын Звезды.)

А как у евреев оказалась фамилия Раскольников? Это ведь память русского религиозного раскола, старообрядцев. В России было много евреев-христиан, а были ли старообрядцы из евреев? Но если были, то такими они и остались, евреи очень упрямый народ.

"Твой путь окончен,
Спи бедняга,
Любимый всеми,
Ф. Берлага"

На прилагаемом фото он стоит на берегу Черного моря, это явно наш берег, потому что справа от него, у куста, лежит пустая пластиковая бутылка, а слева — какой-то пакет. И написано на камне — "любимый всеми", а то, что его звали Аркадий Берлага, дела не меняет, он завершил свой путь, и пусть сон его будет спокоен.

Михаил Броун остался в море, на капитанском мостике, в плаще, потому что ветер несет холодные морские брызги, с биноклем в руках. Чтобы получилось такое лицо, как у него, нужны многие годы бесконечных морских пространств, открытые ветра, и морская соль должна хорошоенько вьестись в кожу, и тогда глаза и скулы станут точеными от ветра, ноги вращут в палубу и перестанут замечать качку, а моряк будет узнаваем без всяких морских атрибутов — лицом.

"Ой, Хана, вечно ты мне морочишь голову!" — это пожилой еврей с крупным носом-рубильником, лысый и в шортах, с двумя семенящими за ним женщинами раздраженно объясняет одной из них, что думает о ее советах. Он появляется в просвете аллеи внезапно, стремительно делает полукруг, и они за ними тоже описывают полукруг, как в балетной сцене, и все исчезают на боковой тропинке, так же внезапно, как и возникли. И я, уже потеряв их из виду, еще долго слышу: "Хана, иди за мной и лучше помолчи, ради Бога!".

И вдруг понимаю, что за последнее десятилетие я впервые услышал имя "Хана", и теперь не знаю, услышу ли еще в нашем городе это, одно из самых характерных когда-то наших имен. Иду и фиксирую имена, как зарубки в память, как заклинания:

Библейские: Авраам, Исаак, Иаков, Иосиф, Рувим... Эсфирь, Юдифь, Ревека... И возникшие, видимо, на путях рассеяния: Залман, Матей, Зейлик, Вольф, Эмиль, Аврум, Ноях, Герш-Шабша, Фроим, Мордко... Гитля, Рейзля, Двойра, Фрима, Этя, Этя, Песя, Шифра, Бруха, Туба, Сура, Инда, Нехамма...

Где это предки Иосифа Халифа подхватили себе такое имя, на каких путях странствий, и как пронесли сквозь века? А Рива Черноморец, как это получилось у нее?

"За что?" — это крик скорби над могилами погибших ("Злой рок тебя постиг на действительной службе в армии..."). Но это в равной степени можно кричать над каждым умершим, даже в своей постели!

Изобразить над погребальной урной не скорбного ангела, а саму покойницу — оригинально!

Как они жили и прожили долгую жизнь с именами: Семен Шут, Моисей Дуб ("рухнул могучий дуб, и осиротевшие ветви..."), Хава Смык, Туба Желтая, Эстер Поединко, Рива Таракан, Иосиф Мертвой⁵ или, к примеру, женщина с фамилией Елена Бать, по поводу чего Михаил Светлов как-то сказал, что это не фамилия, а глгол.

Щетина Борух Шаевич и Голда Шмулевна. Живет человек и, представляясь, называет себя — Щетина. А за плечами у него только что отшумевшие листья дуба в Мамвре и голодные Ангелы — дно Черного моря — буйная грива Самсона среди испуганных филистимлян — Давид с разбойничьей ватагой — стены Вавилона и Александрийский маяк — братья Маккавеи — Бар-Кохба и римляне — Испания с маврами и Маймонидом — Америка с Колумбом — Голландия с Борухом Спинозой — а всякие германии, англич и польши по малости времени — не в счет.

Как, когда и зачем он стал Щетиной?

"Абрам Моисеевич, "политрук и партизан" — в этом сочетании вся прожитая нами эпоха: в буденовском шлеме, со шпалами на петлицах, с орденом и медалью, погиб в 1944. И теперь уже навечно он "политрук и партизан" — не диссидент, не эмигрант, он навсегда ос-

⁵ Возникали проблемы с женским родом таких фамилий, например, супружеская пара Петр Мертвой и Раиса Мертвая, потому что на русском иначе не получается, причем, похоже, что слово "мертвой" — старорусское звучание слова "мертвый" (Прим. автора)

¹ Готово, конец (идиш).

² На всех христианских городских кладбищах много еврейских захоронений, есть целые участки. Но на еврейском нет христиан. Так кто же более терпим? (Прим. автора)

³ Оно на самом деле четвертое, или даже пятое наше еврейское кладбище. Первое было на Хаджибее, и его снесли при румынах, второе где-то на Приморском холме, под Бульваром (Прим. автора).

тался так стоять — с планшетом на боку, с револьвером в руке, с криком "Вперед!". Ему — вечный бой, нам — наше мирное-тихое время! (На Втором христианском, у самой стены от Люстдорфской дороги, если от центральных ворот сразу свернуть направо, в таком же буденовском шлеме и шинели с петлицами лежит Ефим Брухис, а между шлемом и воротником — еврейское характерное лицо в близоруких очках.)

У предков на плите писали — раввин: "Азраил, сын Анания, убитый казаками Богдана Хмельницкого... Илия, сын Азраила... Вольф, сын Илии... Иуда, сын Вольфа, раввин краковский и пражский..."¹ у внуков — профессор... доктор наук... врач...

Зачем евреи все времена во что-то символическое рядятся — остроконечные шляпы Средневековья, нашитые разноцветные лоскутки и звезды, лапсердаки и допотопные шляпы хасидов, очки на носу, накладки на лысину у мужчин и парики у женщин? Бог различает всех, а посторонние народы и сами по себе никогда не забудут еврейский облик.

Но выбрать своим символом Звезду мог только великий народ, и что сказать о других народах, которые эту Звезду стали считать символом унижения? Выбрав для самих себя символами полосы и крестики, и кружочки, как в ранней еще детской игре в "крестики-нолики". Интересно и то, что наш национальный трезубец есть просто обрезанный в третью часть еврейский семисвечник — присмотришь и задумаешься, как опасны происки сионизма, — ну за что не возмись... И выходит, что украинец это дважды обрезанный еврей!

Вот Семен Гуральник изобразен замечательно — на охоте, с ружьем в руках, в шляпе с загнутыми краями, с сигаретой во рту, с перстнем (видимо, в высоких охотничьих сапогах, но это не показано) — сидит в кустах и ждет добычу, и смотрит на тебя с могильной плиты, искося, и так хитры его глазки — видно, что бабник был Семен и красивую прожил жизнь. И какая-то птичка отметила мраморную плиту — и подолом, нечего было стрелять невинных птичек!

На двух тяжелых мраморных плитах записана, видимо, хорошо известная городская история:

И.М. Иглицкий
скончался 22го декабря 1910 г.
от огнестрельной раны
полученной в аудитории университета
8го декабря того же года
Ты видишь, Господи, обиду мою.
Господи, будь нашим судьей
Плач Иеремии. 3.58-59

М.М. Иглицкий
окончил жизнь на могиле сына
1го февраля 1912 г.
Мимопроходящие
Взгляните и узрите,
Есть-ли страданіе, подобное моему
Плач Иеремии. 1.12

Эти плиты перенесены со Второго кладбища, отец умер там, на могиле сына. Со времени Иеремии Господь утратил счет нашим обидам!

Звали человека Михаил Ильич, но настоящее имя его было Самуил Хаим-Эль, и это указано на могильном камне, а в скобках — известное всем при жизни. Он прожил долгую жизнь, как в маскарade, таясь в полумаске, как инкогнито, но в смерть его положили честно!

Самуил Хаим-Эль — какая древность в этом имени! — тысячелетия прошумели над землей, сначала до, и потом после новой эры, великие народы земли прожили долгую жизнь и растворились в ней без остатка, но это имя сопутствовало им в жизни и их пережило, и затем оно звучало на улицах бесчисленных городов земли, никогда не меняясь, — Александрия, Эфес, Кордова, Мюнстер, Амстердам, Лодзь, Умань, Одесса — менялись страны и языки, обычаи и нравы, но оно сохранялось вечным, завещанным нам от Бога. Занесенное к этим северным берегам, звучавшее здесь, на наших улицах и в наших домах — и переставшее уже навсегда здесь звучать, только ветер степей еще помнит и повторяет на ходу, всегда торопясь проскочить наши улицы, где ему тесно, это однажды им услышанное имя...

(Может быть, это мой был теперешний дом, и Самуил Хаим-Эль в нем жил когда-то, еще до войны, и так звала его жена к обеденному столу на теперешнюю мою кухню? Вот чудно бы было нам, теперешним ровесникам, встретиться на этой кухне — там в холодильнике у меня бутылка отличной водки и нежинские огурчики в банке, и кошерное сало на черном хлебушке с горчицей. Сели бы мы с Самуилом и выпили по первой — это без слов, — но уже на третьей мы бы разговорились, мы нашли бы слова и темы!

— Сало бывает кошерным только для нас, одесситов, — так распорядился Господь на страницах Библии, зная, как несладко придется евреям в этих временах, он посчитал,

что лишать их такой радости не следует. Но еврей, покинувший Город, должен забыть о кошерном сале!

Он бы — мне, — как в его времена страшно было ошибиться в сказанном слове, как шепотом говорили на кухне и даже в постели муж и жена, я бы — ему, — как наплевать теперь на любые слова, и что ни скажи — скажешь понапрасну, он бы мне, — как за эти слова брали, я бы ему, — как и вообще отобрали сразу и все, безо всяких слов! И мы бы сверили карты, и выпили, и сверили вновь, и еще выпили, но в самом конце — мы бы выпили за детей, чтобы все плохое кончилось на нас, чтобы наши дети были счастливы непременно!)

Я стою у могильной плиты и говорю шепотом, на пустынной этой аллее, чтобы никого не потревожить, — Самуил Хаим-Эль — и тихие эти слова рожают волну света, она раздвигает пространство и движется во все обозримые и невидимые мне стороны прошедшей и будущей жизни — как пароль, как напоминание, как окрик к далекому потерявшемуся брату. Чтобы остановиться, услышав меня, чтобы подождать на дороге — и мы пойдем вместе, наш путь только начат, нам идти и идти!

Врач Леернер Роня Вольфовна, в миру Алла Владимировна, и это указано в скобках.

Умное интеллигентное лицо — Марьям Срулевна Сралъс — как непросто выжить в России с таким именем!

"Что в имени тебе моем?" — Все!

Наум Цирульник;
Семен Адольфович Швядкий, полковник;
Марьям Федальевна, Рива Хаимовна, Малка Мееровна, Цицелия Шайн — этот забытый язык требует перевода и еще никем не дешифрован... Татары и немцы, чухонцы и французы, все угрофины (мера, весь, муром, эрзя...) и шведы, осев в России, изменялись и принимали русские имена и даже православие, но на самом деле это не подлежит переводу — имена и традиции предков — и это наказуемо! Это как самое основное в нас, как поэзия — непереводаемо, и оно исчезает при переводе, сменяясь мерзостью обезличивания.

Калика Фрида — это от древнерусского "калика переходящая".

Нахман Срулевич Герман — это ведь пушкинский Германн имел такую фамилию, только с удвоенным "н"! Может быть, Пушкин намеренно не указал его имя?

"Старый пролетарий, член В.К.П.(б) Давид Баршак". Старый пролетарий, это, конечно, совершенно иначе звучит, чем старый часовщик или старый сапожник, или попросту старый хрен!

Профессии и должности, звания и ученые степени, и даже имена — что говорят они о лежащем здесь? Значимы только даты прихода и ухода, притом, как и в командировочных бумагах, день прихода — день ухода — один день! Остальное не оплачивается!

На камне могильном должно быть указано самое главное — даты, и есть можно бы, на каком пляже купался, на Отраде или на Фонтанах, и где, на каком углу или перекрестке, он впервые обнял и поцеловал девушку... И еще — имена оставшихся детей. Остальное — лишнее. Ну что вам или ему, что он был доцентом? Превратились в недвижимость евреи Города — в могилы, дома, синагоги...

На дальнем краю кладбища, в самый конец по центральной аллее и влево, выделили место и перенесли сюда памятник жертвам грома 1905 года. Сложили плиты, как инвентарь (отделались от всякого зарубежья, чтобы не приставали), а всю площадку забетонировали (видимо, чтобы никто ее не занимал, но, может быть, и тела перенесли, а сверху забетонировали для надежности?). Великолепную кованую решетку, когда-то связывавшую гранитные блоки памятника в единый ансамбль, вырвали с мясом и куда-то сплавляли... Стоит великолепный монумент у кладбищенской стены², над пустой землей, отделенный от смысла, выставленный, как в антикварной лавке на продажу, — может быть, есть смысл купить — вдруг пригодится?!

Свои среди своих

"Евреи хлеба не сеют.
Евреи в лавках торгуют.
Евреи раньше лысеют.
Евреи больше воруют".

Эти, видимо иные, — на могильных плитах написаны их профессии и всякие ученые имена — доценты, профессора, кандидаты всех степеней и лауреаты всех мыслимых премий, инженеры и архитекторы, строители и множество врачей. Заслуженный деятель науки профессор Ефим Дубовый и доцент Дора Гинзбург-Дубовая; рентгенолог Иосиф Балабан; доктор Исидор Романович Пастернак и доктор Эмилия Исидоровна Пастернак; врач-хирург Семен Гаврилович Гурфинкель;

² Кладбищенская стена на этом участке обнесена поверху родной колючей проволокой, потому что с этой стороны расположены всякие заводы, так что этот монумент выглядит, как концлагерь, пустующий до новых времен (Прим. автора).

"ученый психиатр" Розенблум... Бог с ним, со званиями, эти лица удивительны мыслью и знанием, умом и достоинством.

Просто "учитель математики", Семен Ицкович Мейдман. Он был хороший учитель и отдал детям все, что имел, — знания и любовь. У меня учителем математики был Владимир Юрьевич Воскобойников, он тоже не имел ученых степеней и званий и работал в обычной школе на Прохоровской, в самом центре Молдаванки. Он был такой учитель, без которых не вырастают люди и без которых земля остается пустой! Без которых из нее вырастают цветы зла! Сами по себе.

Это наш Город, лучшая его часть. На каждом камне слова: "единственный, добрый, неповторимый, лучший...". Выходит, что лучшие остались здесь, в чем легко убедиться, выйдя за ворота... Но город — это люди, и когда они уходят — рушатся камни. Потому что люди — это душа Города, краеугольный камень, на котором стоят эти стены!

Верно только насчет облысения: раньше лысеют евреи, судя по этим снимкам.

Эти послевоенные десятилетия, пережив Катастрофу, вернувшись с войны и эвакуации, пережив новую опасность уничтожения и борьбу с безродным космополитизмом, евреи Города построили новую жизнь.

Оглядываться назад было страшно. Говорить об уничтожении европейского еврейства, о поголовном уничтожении оставшихся в Городе евреев было опасно. Они не оборачивались назад, но стали жить надеждой на завтрашний день. Какой отважный и сильный народ эти евреи!

Они дружно пошли учиться. Генетическая тяга к Слову, двухтысячелетний опыт предков в изучении Торы теперь послужил основой массового светского образования. Эти евреи о Боге забыли и жили жизнью общества, которое им было родиной. Они были атеистами, в той мере, когда вера предков бывает на время вытеснена новой жизнью. Но многие сохранили связь с Богом, преподавая атеизм и марксизм-ленинизм.

Они стали основной частью городской интеллигенции. Мне иногда кажется, что само слово *интеллигенция* у нас было синонимом еврея. Евреи стали врачами, преподавателями в средней и высшей школе, учеными и переводчиками, профессорами и доцентами. Инженерный корпус Города состоял, в основном, из евреев. В конструкторских бюро, научно-исследовательских институтах, больницах и поликлиниках большинством лучших специалистов были евреи. В консерватории, в школе Столярского и всех музыкальных школах, в городских театрах, в журналистике, это были наши лучшие силы.

Евреи имели домашние библиотеки. В каждом еврейском доме была такая библиотека, потому что это было престижно и, как они верно говорили, — для детей. Детям это пригодились. За книгами тогда гонялись, чтобы достать. Подписывались на новые многочисленные издания русской и зарубежной классики. Телевизор делал первые шаги, и времени для чтения было вдоволь.

Это было уже поколением интеллигентов — они были дети интеллигентов. А дети местечковых евреев, забывших ужасами прошедшей войны, малообразованных, говорящих между собою на идиш, и по этой причине на русском говорящих с акцентом, эти дети легко освоили русский язык и тоже пошли учиться. Идиш, когда-то звучавший на улицах Города, до войны и после нее, евреи забыли навсегда, как и саму память о местечковых евреях.

Так что, лучший русский язык в Городе был у евреев. Эти евреи были русской интеллигенцией, и русская культура полностью определяла их жизнь. Они забыли о еврейских праздниках и праздновали теперь Новый год, 8 Марта, 1 Мая и Великий Октябрь. Они никогда не бывали в синагоге, и только старые евреи, их отцы и деды, еще ездили за мацой на Пересыпь.

Но так уже было в Германии, в Италии, во Франции... Там евреи тоже были немцами, французами, итальянцами. Они были лучшими представителями этих культур. Христианами всех мыслимых конфессий. И патриотами, что доказали на фронтах первой мировой войны.³ Они были полезными членами общества в этих странах, но во второй мировой этих евреев сожгли.

Так продолжилось три десятилетия советской незабвенной эпохи. Той самой, когда мы были действительно самой читающей страной в мире, мы это смогли уяснить, только попав в этот мир и удивившись примитивности его духовной жизни. В Европе, в Америке, в Израиле. Выяснилось, что мы знали не только русскую классику, мы мировую классику.

³ На всех фронтах, по обе стороны фронта. Немецкие евреи получили за эту войну десятки тысяч Железных крестов первой степени, наши — чуть меньше наград, потому что нашим евреям было труднее получить заслуженную на войне награду — таким было русское государство. Немецкие и австрийские евреи шли в атаку на русских евреев — во имя Родины! Которой, как это выяснилось практически сразу, у них ни там, ни здесь не было никогда! (Прим. автора)

сику знали лучше туземцев и мы ее по-настоящему любили. Наши переводчики, в основном, евреи, лучшие переводчики в мире, сделали западную литературу русской классикой. И выяснилось, что образование в нашей стране было лучшим в мире. По своему базовому уровню, подкрепленное широкими культурными горизонтами. Оно пригодились эмигрантам, и так наши знания ушли в мир.

Потом началось разрушение. Разрушение страны, под которую подкапывался Запад и местные диссиденты. И местные безродные шакалы, предвкусившие запах добычи. Самым болезненным и оскорбительным со времен войны для евреев Города стало разрушение Второго еврейского кладбища. За него боролся весь город. Евреи на каждом памятнике этого кладбища не уставляли вновь и вновь писать слова-заклинания: "Посетили". И ставили свежие даты. Писали во все мыслимые инстанции, составляли петиции, заклинали Запад вмешаться.

А потом евреи стали уезжать, и уехали все. Или практически все.

Наша городская интеллигенция, в основном, лежит здесь, на Третьем еврейском, на Втором христианском, на Таировском. Лежат наши отцы. Лучшее время их жизни, давшее нам наше счастливое детство и юность. А дети ушли в окружающий мир и стали его частью. Они стали американцами, израильтянами, европейцами. Они еще помнят русский язык. Их дети, внуки одесской интеллигенции, русский уже не знают. Смутно помнят, что был такой город Одесса, родина предков, в холодной и неприютной России.

В самом центре Молдаванки на Степовой улице жила еврейская семья по фамилии Юданины. Обычная многодетная и бедная, как все еврейские семьи Молдаванки. Было десять детей, половина мальчиков, половина девочек. Адрес этого дома я не знаю, но там все дворы похожи, за двух-трехэтажным домом есть большой двор, огороженный торцами соседних дворов и сараями, с улицы в него ведет высокий проезд. Входы в квартиры — со двора. Ребята, о которых идет речь, родились от 1903 по 1916 год и были ровесниками моих родителей. Я пришел спустя тридцать лет на эти улицы, но там ничего не изменилось, разве что при мне перестроили кинотеатр "Серп и молот" — наш культурный центр. А Степловая, Дальницкая и Госпитальная, как и моя Михайловская, остались точно такими же.

Наверное, они ходили в хедер, а младшие и в мою школу, за углом, на Прохоровской, потому что из этих дворов по Степовой у меня было много одноклассников. Бежали на Алексеевский рынок.

Старший сын Моисей воевал еще на гражданской и в 30-х годах умер от туберкулеза. А четыре брата дружно ушли в 1941 году на фронт и сражались за Родину. Старший брат, Борис Юданин, рядовой, стрелок, погиб первым, 14 сентября 1941 в боях под Одессой, ему было 38 лет. Второй брат, Семен Юданин, лейтенант, погиб 20 июля 1943 года в Курской области, ему было 34 года. Третий брат, Лейб Юданин, рядовой, стрелок, пропал без вести в августе 1944 года, ему был 31 год. Четвертый брат, Калман Юданин, рядовой, радист, погиб 5 мая 1942 года в Новгородской области, ему было 26 лет. Каждый год войны семья отдавала по одному сыну, но война затянулась, и не осталось никого из братьев, чтобы вернуться с войны победителем. Им не к кому было бы возвращаться, отец и мать остались в Городе и погибли. С войны вернулся единственный мужчина, муж одной из сестер, старший лейтенант. На войне он потерял ногу, но в Одессу вернулся.

Лежит прямоугольная плита, с трудом вменяющаяся в узкую ограду, и на ней фотографии отца Ихеля (Ефима), матери Марьям и четырех братьев, Бориса, Семена, Лейба и Калмана Юданиных. Их здесь нет, они легли в разных местах родной и такой обширной земли. По-русски Юданины, вероятнее всего, будут Евреиновы. Есть такая русская аристократическая фамилия. Мы помним имена пяти братьев Тучковых, сражавшихся за Родину на Бородино, имена братьев Раевских, которых отец, взвав за руки, повел впереди наступающего русского полка. Помним и чтим. Надо добавить к этой памяти имена братьев Юданиных, павших за Родину и жизнью своей оплативших на нее право!

Борис Адольфович Минкус и Раиса Эммануиловна Нудельман. Это мой профессор по холодильному институту и его жена, художница. Прожили они долгую-долгую жизнь, не знаю, счастливую ли, но спокойную. Так я всегда думал, но вот вспомнил — ведь были две мировые и одна гражданская войны, и всякое-разное было в их жизни, параллельно нашей непростой стране. Без нескольких месяцев он прожил столетие. Был он для меня образцом интеллигента и ученого и напоминал времена Чехова — речью, манерами, взглядом. Как это в нем сохранилось — мяг-

(Окончание на 12-й стр.)

¹ Иссаак Бабель. Конармия. Кладбище в Козине.

Александр ДОРОШЕНКО

Третье и последнее?

(Окончание. Начало на 10-11 стр.)

кость речи, доверчивость и доброта, внимание к любому встреченному человеку? И как он это умел объяснить, извиняясь за навязчивость, за вмешательство в твою жизнь? Со мной он говорил всегда одинаково уважительно — со студентом, с аспирантом, с профессором. И всегда добавлял: "Саша, Вы не обижаетесь, что я так к Вам обращаюсь, я ведь знал Вашу маму, — и неизменно добавлял: — Какая красавица была Ваша мама! Я знал ее тогда, когда Вас еще не было".

Я понял еще мальчишкой: он одинаково внимателен был ко всем — мальчик был перед ним или ректор, известный или безвестный человек, он что-то такое выделял в человеке, что оказывалось более значимым наших обычных оценок. И когда я говорил с ним, что-то во мне изменялось, я стоял перед ним иначе, я говорил и смотрел иначе — и это, измененное им, живет во мне и сегодня.

Никогда я не говорю своим студентам "ты" и всегда предлагаю присесть, даже если нужно сказать всего несколько слов. А студентам всегда улыбаюсь и говорю что-нибудь приятное, когда они входят в мой кабинет, — это голос Бориса Адольфовича. Я, правда, не встаю, когда они входят в кабинет, — Борис Адольфович вставал всегда, если входила женщина, и неважно какая, преподаватель или уборщица, — он был одинаков со всеми. Я помню, праздновали его юбилей, 95-летие. Ему уже трудно было стоять, но когда говорили женщины, он вставал и слушал до конца — стоя!

Я помню, однажды, разговаривая с ним в коридоре институтском, я отослал подошедшую студентку ждать меня у моего кабинета, когда вернусь. И она, конечно, безропотно ушла. Борис Адольфович взволновался, взял меня за руку и сказал: "Саша, Вы понимаете, это нехорошо, как Вы ее отослали, ведь она взрослая красивая девушка, она завтра будет мать ребенка, и для этого ребенка она станет всем, самым важным и единственным в этом мире, а Вы с ней так поступили. Вы идите к ней и сейчас с ней поговорите, что ей там нужно, а я подожду Вас здесь, Вы не волнуйтесь, я подожду, сколько потребуется". И это правда — он заставил меня пойти, а сам ждал меня, и когда я пришел, он извинился, что доставил мне неприятность своими словами.

Часто я в раздражении понимаю, что с этими моими современниками говорить можно только понятным им языком — матом, но тогда я вспоминаю Вас, Борис Адольфович, — и говорю с ними вежливо. Иногда это срывается!

Невинно убиенным

В основании каждого могильного камня есть приписка о родственниках, погибших в Отечественной войне, а под 1941-1942 годами имена погибших в Городе при румынах. Этих, чьи кости свалены в ямы Доманевки и Богдановки, больше, чем лежащих под собственными камнями. На каждого похороненного здесь приходится в среднем три-четыре имени погибших без вести. Такие памятные надписи есть на всех кладбищах города, на Втором христианском, где много еврейских могил, на Таировском, но здесь их особенно много.

"Герш, Заки, Миттель, Хайка и Людочка Уляницкие";

"отец Шулим, мать Этя, братья Мойша и Леви, сестра Рива с сыном Семей";

"Погибшим Копилевичам: Роза Израилевна, Мария Марковна, Евгения Марковна, Александр Маркович";

"Ихель и Марьям Юданины, родители четырех братьев, Бориса, Семена, Лейба и Калмана, отдавших жизнь за Родину";

Поджарский М.М. — "в память погибших от рук фашистов сестры Поли, шурина Исаака и детей в 1942 году";

Фроим Маркович Рабинович, — "в память погибшего дорогого сына от рук фашистов в годы Отечественной войны Арона";

Янкель Гершкович Лапидус — "в память погибших от гитлеровских рук братьев, сестер, племянниц и племянников";

"В память погибших семей М. Урмана и Л. Пильшакова";

"Жертвам фашизма Пини Самойловича и Лизы Мееровны Штейнберг";

"В память дяде Лёве, погибшему на войне";

"В память трагически погибшим в 1941 году бабушке Кларе...";

"В память погибших от фашистских извергов братьев Рабинович Боруха, Бенциона, Сыны Корж, Бузи, Люси.

Посмертно реабилитированных брата Миши Раич, Розы Вольман";

"Пропавший без вести в 1942 году Борис Михайлович Кимельфельд";

"В память погибших мужа Якова Михайловича, сына Роберта Яковлевича";

"В память погибших в дни войны сестры Доры и шурина...";

"В память погибшим в 1941 дяди Хавуль Дуди, сестры Гольденберг Рахиль";

"Памяти погибшего сына в 1941 г. Изя Наумович Шер" (снимок кануна войны, молодой парень в форме со шпалами в петлицах, в пилотке с красной звездочкой);

"В память погибших в дни Отечественной войны сына Иосифа Зельмановича и внуков Пуся и Фуля Штейнгольц";

"В память погибших от рук фашистов Шойхет Борух, Сурра, Манички в 1941 г.";

"Памяти семьи Меламед погибшим в годы Отеч. войны отца Исаака Израйлевича, сестрички Сарры Исааковны";

"В память о погибшем сыне, брате в период Отечественной войны Бориса Мойсеевича Фарбер";

"Памяти погибшего в годы Отеч. войны мужа и отца Шухман Исаак Мейлахевиц";

"Белявский Владимир Срулевич, погиб в Отеч. войне в Одессе в 1941 году" (какое сочетание русского, еще языческого, имени и такого характерного отчества!);

"Светлой памяти погибшего в 1942 г. на фронте отца и деда Лернера Льва Владимировича";

"В память погибших в 1941 г. Мехл, Мендл, Цая...";

"В память погибших в Отечественную войну муж, Исак, отец, Исак, мать, Бруха, брат, Володя...";

"В память погибшим от фашистов Хаим, Рейзеле, Люба и Фирочка...";

"В память погибшему мужу и отцу погибшего во время войны Фавелюки Беньямин Давидович";

"В память погибшим семье Малеваным брату Рыкову с семьей". "В память погибшим родителям, братьям и сестре Малиованным" (так в двух табличках на одном памятнике);

"Память дорогому незабвенному сыну Мишеньке Шлемкис погибший 1941 г." (ясное улыбающееся лицо все светится молодостью...);

"В память погибшему в Отечественной войне Яши Шустер...";

"В память погибшего в дни Отечественной войны Муни Зейликовича Альпер";

"Памяти дорогих детей Абрашеньки и Мишеньки, погибших в Великой Отечественной войне" (Гринштейны, молодые ребята в офицерской форме, один еще со шпалами, второй уже в погонах);

"В память погибшему на войне Гросман А.В. 1922-1942";

"Светлой памяти Ангерта Абрама Самойловича, погибшего в годы войны";

"В память погибших братьев и племянника в Великой Отечественной войне Мони, Наума, Бориса, Яши Тартаковских";

"В память погибших в Великой Отечественной войне Семы, Яши, Абраши, Миши, Ривчика и Любы" (Мовшович);

"В память погибшего на фронте незабвенного Яни Купермана...";

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

Надо бы перечислить всех и каждого, поименно!

О каком это они Отечестве?!

Отечеством для них был Советский Союз, и остался Отечеством навсегда. Они отдали это Отечеству свои жизни. О том, как оно развалилось, как его разокрали и растащили голодные злые крысы, им неведомо, и рассказывать им об этом не надо. Пусть спят спокойно.

Но человек должен знать, за что отдает жизнь. Так за что отдавали жизнь в этой войне евреи? Против фашизма, несшего смерть их народу, — конечно! Но когда они вернулись домой, разве родина не стала им мачехой, готовя, в свою очередь, уничтожение? Дело врачей готовило гибель оставшимся и, к счастью, трагедия не состоялась. Сменившись махровым, на всех уровнях общества, антисемитизмом. Разве такую родину не следовало лишить материнских прав? И не только по отношению к евреям!

Это наш памятник Холокосту, поименный. Такие записи есть на всех наших кладбищах,

но здесь их особенно много. Надо бы собрать все эти имена и установить камень со словами памяти и сострадания. На Втором христианском, если идти от центрального входа вправо, у самой стены, есть памятная колонна, высокая, стройная, с траурной вазой на вершине и надписью "В память погибших...". Ее поставили как семейную, но она осталась единственной — в память всех невинно убиенных.

Выхожу за ворота. Кладбище обнесено глухой стеной и отгорожено от окружающих просторств. Так выглядели гетто средневековой Европы. В России это называли чертой оседлости, выйти за которую еврей не мог. Кладбище нужно живущим как связь времен, как символ преемственности. Лишенное близких, оно умирает. Это город мертвых.

Это род музея. Был в Городе народ евреев, жил два столетия и этот город строил. Эти памятники род музейных витрин — как выглядели евреи, как одевались, во что рядились. Как участвовали в этой жизни, кем работали, каких добивались наград и свершений. В этих лицах на могильных портретах, умных и не очень, радостных и печальных, открытых и настороженно на тебя, идущего мимо, смотрящих, — эпоха. Вглядись внимательно — в этих живых глазах мысль, радость и боль... Что читали, какие смотрели фильмы, каких любили актеров, на какие ездили крымские курорты и в московский Большой театр на представления. Ходили в наш Театр и Филармонию и потом, выйдя на Пушкинскую, шли и обсуждали увиденное и услышанное, а рядом с ними шли мы, тогда одесские мальчишки и девчонки, которым они пророчили счастье жить в этом нашем сегодняшнем дне! Прислушайся — о чем они говорят. Походи, послушай, и вспомни!

Это — Третье еврейское кладбище, а Четвертому уже не бывать!

Бароны

Справа от центрального входа и по всему периметру кладбища лежат цыганские бароны. Вернее, стоят. На высоких бетонных постаментках (пять на пять метров и высотой в метр), изваянные скульптурно в рост, или так изображенные на полированной поверхности вертикальных плит, сидящие за праздничным столом (красиво накрыт стол — бутылка "Смирновской", а за ней виднеется бутылочка минералки и кока-колы, блюдо стоит с виноградом, разложена и закусочка...), в золотых перстнях и часах (золотом выделено, чтобы было без ошибки). Стоит на мраморной поверхности, нарядный такой, в хорошем костюме, и на заднем плане — собственная "Волга". Куда это он собрался? Эпитафии трагические и поэтичны: "В такой тяжелый скорб-

¹ Это семейный памятник Булкхович, но такой отдельный памятник погибшим в Холокосте, — он теперь память всем, кто тогда погиб. (Прим. автора)

ный час / Зачем так рано, Мося, милый, / Покинул ты навеки нас?" — или наполнены гордостью: "Царем ты был — царем остался!". И для наглядности врезана в камень корона.

Где и как хоронят цыганов? — или они бессмертны?

Имена интересные — наши уменьшительные имена, ласковые, домашние, стали у них основными — Шура, Юрик...

Едет в маршрутке пожилая цыганская пара. Полные, как многие пожилые цыгане, держатся с достоинством, проявляющимся не в одежде, не внешне, но это врожденное внутреннее чувство особости и уверенности. Вежливые к пассажирам. Говорят на цыганском с редкими вкраплениями русских слов: "натурально", "правильно" и названиями наших городов от Рязани до Хабаровска. В этой связи часто повторяют — "таможня" и "пересадка". Географию упоминают всего СССР, может быть, они не заметили развала страны?

Ходят цыгане по земному шару, нас, аборигенов, всерьез нисколько не принимая, твердо веря в природную нашу глуповатость и никогда в этом не ошибаясь, перенимая наши языки, потому что нет иной возможности нас дурачить, но свято храня свой, никогда неходясь в эмиграции, потому что всюду они у себя дома (так зайчик, перебежав из Украины в Польшу, остается пушистый зайчик, и ему все едино, что мы его по-разному называем), не меняя вида одежд и походки (я в Париже видел — шла цыганка Елисейскими Полями, и три цыганенка цеплялись за ее многочисленные юбки, шла точно такая же, как ходят по Бердичеву и Котовску (они по Бирзуле ходят на самом деле), и говорила с проходящими на французском, а детей своих ругала по-цыгански). Мало им нас — они и к Богу относятся походя — перенимая местные религии и меняя их, перейдя границу. Кого же они принимают всерьез? Откуда они это взяли — шестиконечную (иногда восьмиконечную) звезду и полумесяц — наверное, насмотрелись на символику у евреев, или просто так показалось красивым?!

Легко понимая и принимая все. И если высадишься у нас инопланетяне, пока мы думать над ними будем и понять их будем пытаться, цыгане начнут им гадать и будут лопотать на ихнем языке, и облапошат, как ягнят, вне зависимости от их цвета, роста и нелепости для нас интеллекта. И вовсе не удивятся цыгане их странному виду — живое и есть живое, главное — чем тут можно поживиться? Но стоит задуматься, почему, торгуя наркотой, они сами хранят себя и не уничтожаются в ней, как мы, достигшие высот знания и прогресса?!

Своеобразный и яркий народ, но кто под-сказал им такие памятники и слова?

Интересно и то, что единственный дворянский титул, доставшийся евреям и цыганам, — баронский! Но следует всерьез помнить: предки евреев — народ царей! Бароны для евреев как титул — мелковато и местечково...

Апартаменты «Одесский дворик»

Апартаменты "Одесский дворик" искусно сочетают в себе традиционное одесское гостеприимство, исключительный комфорт, индивидуальный подход к каждому гостю. Расположение "Одесского дворика" в деловой части исторического центра Одессы, с удобной транспортной развязкой, в нескольких минутах ходьбы от пляжа "Ланжерон", рядом с парком им. Шевченко, является отличительной особенностью апартаментов. Удобное расположение и многообразие предоставляемых услуг в сочетании с доступностью цен полностью удовлетворяют запросы одесситов и гостей нашего города.

Номерной фонд Апартаментов составляет 25 комфортабельных номеров, из которых 5 люксов, 5 полулюксов, 13 стандартных номеров, 2 "эконома".

Все номера укомплектованы современной удобной функциональной мебелью. Ванные комнаты комплектуются фенами, банными комплектами, одноразовыми наборами косметики и тапочками.

Все номера оборудованы климат-контролем, спутниковым телевидением, электронным сейфом, мини-баром, междугородней и международной связью, холл апартаментов оборудован Wi-Fi. Клиентам предоставляются дополнительные услуги: организация VIP-обслуживания в аэропорту, трансфер, аренда транспорта, организация конференций, экскурсионных программ, приобретение билетов на зрелищные мероприятия, аренда яхт, организация услуг прачечной и химчистки, парковка, круглосуточная охрана.

Желающие скоротать вечер под аккомпанемент легкого джаза в исполнении популярных одесских коллективов, провести праздничный банкет и отведать блюда традиционной европейской кухни могут сделать это в новом оригинально оформленном ресторане "Олд фешн", который расположен на первом этаже апартаментов.

АДА РОГОВЦЕВА: "ПИШУ КНИГУ ОБ ОДЕССЕ"

Есть в нашем городе удивительное место, которое во время приезда в Одессу выбирают местом обитания известные деятели культуры, кино, театра, эстрады. Это — расположившиеся на Успенской улице рядом с парком Шевченко апартаменты "Одесский дворик". Здесь состоялась наша встреча с народной артисткой СССР, народной артисткой Украины популярной актрисой театра и кино Адой Николаевной Роговцевой.

— Я ведь хочу написать книгу об Одессе. Ну, не только о ней. Это будет рассказ о встречах с людьми. Отель "Одесский дворик", в котором я остановилась, как раз очень располагает к воспоминаниям. Здесь уютно, чисто. Я здесь как дома. Очень теплая атмосфера. Чисто одесская.

— Ада Николаевна, то, что вы сказали, — большое открытие для одесситов. По-пуще приезжайте в свой "Одесский дворик" — быстрее закончите книгу. А мы с интересом ее прочитаем.

— До встречи!

С Адой Роговцевой беседовал
Александр ЮРЧЕНКО.

СВЕТЛАНА ЛЕТУНОВСКАЯ: "ПОЛЮБИЛА ЗИМНЮЮ ОДЕССУ"

С московской актрисой Светланой Летунховской мы познакомились в апартаментах "Одесского дворика" на съемках фильма "Мужская интуиция".

— Действие фильма происходит в Одессе. Вы здесь в первый раз?

— Нет, в Одессе я отдыхала. Одесса — неповторимый, замечательный город. Сейчас я им очарована еще больше. Потому что сейчас не курортный сезон, и видишь город без глянца. Я гуляю по городу, дышу его особенным воздухом. Море чудесное, разное. Погода замечательная. То пахнет весной, то вдруг неожиданно, как вчера, — зима. Дворики одесские... Жизнь без суесть.

— А как вам этот "Одесский дворик" — место, где мы беседуем?

— Ой, чудесный! Рядом парк, море. Мы, актеры, — люди командировочные. Нам очень важно, чтобы наш временный дом был уютным, комфортным. И здесь все это есть: сервис, внимательное отношение. Буквально весь персонал, вплоть до директора, принимал живое участие в съемках нашего фильма. Интересный факт. В интерьерах "Одесского дворика" снимается дом моей героини. Понимаете, какая это необычная, домашняя обстановка!

Приехав в Одессу по работе, я совершенно не надеялась хоть какое-то время уделить прогулкам по городу и посещению достопримечательностей. Съемки нового фильма должны были заполнить все время, и я уже искренне сожалела, что не смогла прогуляться по этому прекрасному городу. В голове уже складывалась определенная картина рабочего дня — "апартаменты — съемочная площадка — апартаменты". Приятной неожиданностью стало то, что настолько уютные и небольшие апартаменты, как "Одесский дворик", расположились в самом центре города — и до исторических памятников рукой подать, и основные места, где мы должны проводить съемки, тоже поблизости. В конце дня, все-таки пересилив накопившуюся усталость, я выбралась на прогулку в прилегающий парк Шевченко. Наверное, летом там здорово, но и сейчас зимний морской воздух придал новых сил, и вернувшись в свой уютный номер, я заснула как убитая. На протяжении съемочной недели я хоть и была занята до невозможности, но это все же не помешало узнать город получше. Каждый день, поужинав в каком-то ресторанчике в центре Одессы, я отправлялась в уже полюбившийся мне "Одесский дворик" новым маршрутом. Кстати, такое оригинальное название апартаментов не давало мне покоя. Почему именно "Одесский дворик"? Прогулки по городу дали ответ. Действительно, тихие и уютные дворики Одессы как нельзя лучше ассоциируются с покоем, семейным теплом и отдыхом.

Текст Андрея САЛАМАТОВА.

ОКСАНА БАЙРАК: "БЬЮ В ОДЕССЕ ТАРЕЛКИ НА СЧАСТЬЕ"

Режиссер Оксана Байрак, первый и пока единственный в истории украинского кино претендент на соискание "Оскара", к радости одесситов облюбовала для съемок новой киноленты "Мужская интуиция" расположенные в нашем городе апартаменты "Одесский дворик". Здесь же две недели жила и творческая группа "Студии Оксаны Байрак".

Как оказалось, выбор "Одесского дворика" был не случаен.

— Я прочитала о нем в журнале "Афиша Одессы", — сообщила Оксана при встрече. (Это поучительная история для рекламодателей нашего региона, почему-то слепо уверовавших в "волшебную" силу местного телевидения и забывших о том, что надежнее печатных СМИ еще ничего не изобретено.) Приехала по адресу, указанному в журнале, и опешила. "Одесский дворик" с его уютными комфортабельными номерами — готовые декорации для дома главной героини. По сценарию она бизнес-леди, нанимает влюбленно-го в нее человека нянчить своих детей...

КАК ПОДОБРАТЬ КЛЮЧИ К ПЕТРУ МАМОНОВУ

Петр Мамонов — большой человецище, глыба... Имя его 20 лет держит в напряжении творческую интеллигенцию. Музыкальные альбомы лидера группы "Звуки Му"...

...После поселения в "Одесском дворике" Петр Мамонов объявил: "Хочу увидеть море". Воля гостя — закон: актера и его группу отвезли на Ланжерон, благо пляж в десяти минутах ходьбы.

Через полчаса группу Мамонова отвезли в аэропорт — вечером выступление в Киеве. "Обязательно приеду еще раз, — сказал актер, прощаясь. — В "Одесском дворике" я как дома!"

"ОДЕССКИЙ ДВОРИК" СТАЛ ДЛЯ МЕНЯ БОЛЬШОЙ ОДЕССОЙ", — СКАЗАЛ ИГОРЬ ВЕРНИК.

Игорь Верник — знаменитый актер, популярный ведущий, снимавшийся в нашем городе в новом кинофильме.

— Две недели я жил в "Одесском дворике". Съемки проходили тут же, в апартаментах, которые мы превратили в дом героини: с прихожими, гостинными, детскими спальнями, балконами. Теперь и ваш город, и "Одесский дворик" будут ассоциироваться у меня с историей любви. Здесь мой герой встречает свою любовь.

Записала Ирина ВИШНЕВСКАЯ.

В апартаментах "Одесского дворика":
Дениз Перье поет в ресторане

«Одесский дворик»:
65014 Одесса,
ул. Успенская, 19.
+380487777271
dvorik@online.ua;
www.od-dvorik.od.ua

Елена ПАЛАШЕК Из цикла БАБОЧКИ НА СЧАСТЬЕ

НОЧНАЯ СМЕНА

Душная ночь — потные простыни...
Как же непросто мне:
Рядом чужой кто-то,
непрощенный
в доме моем,
мною заброшенном,
в жизни моей,
мною разрушенной...
Скучно мне.
Скучно мне.
Трушу я!
Душная ночь... И откровение.
Может, на смене я?
Смена белья
в доме заброшенном.
Смена любви
с кем-то непрощеным.
Смена страстей.
Смена радужия.
Скучно мне.
Скучно мне.
Трушу я!
Душная ночь...
Тело бездушное.

БУСЫ

Прочна ли нить?
Ведь на нее
я нанизала дни и будни:
свое и даже не свое.
Однажды, как-то пополудни,
я улыбалась, как всегда,
и как всегда почти шутила,
и только вдруг свои года
на нитке шеей ощутила.
Да за какие же грехи
такие бусы, да на шею
(по весу не из шелухи),
я не пойму, за что взрослою?
Нет, никому не покажу,
как ненавистно украшенья.
Мне неприятно быть мишенью
для тех, кто думает: брюзжу.
Спина прочна...
Прочна ли нить?
Узнать бы: разорвется скоро?
Вести с судьбой переговоры
обречена!
Прочна ли нить?
Спина прочна!

Мы копили годы!
День, ночь,
снова день...
Потемнели воды.
Днем тень,
ночью тень.
От вещей лишь тени.
Стук в дверь,
запирай!
Я бегу от лени.
Где рай?
Мне бы в рай!
Мы копили деньги...
Дом, сад,
снова дом.
Мы купили веник.
И метем,
опять метем.
Мы копили мысли.
Ночь, день,
снова ночь.
Может, их услышат
наш сын,
чья-то дочь?

Инна ШТЕЙН ПРОСТРАНСТВО СУЖАЕТСЯ

Когда Марье Григорьевне было шесть лет, в комнату, где она спала вместе с родителями, влетела летучая мышь. Проснувшись от шума, Манечка села в своей кровати со спускающейся железной сеткой и смотрела, как папа пытается выгнать в окно нечто черное, не похожее ни на мышь, ни на птицу. Страха она не чувствовала. Страшно было как раз несчастной, совершенно ошалевшей от света летучей мыши, которая билась о стены и потолок.

На шум явилась из соседней комнаты бабушка Полина Моисеевна, сказала, что их уже слышно на Малороссийской, что летучая мышь — это не к добру, и что папа действует совершенно неправильно.

— И как же, по-вашему, правильно? — поинтересовался папа, которому глубокой ночью вдобавок к летучей мыши не хватало только тещи.

— Лично я бы выключила свет, — ответила Полина Моисеевна и с тонкой ироничной улыбкой наблюдала, как зять слезает со стола и направляется к выключателю, рядом с которым она стояла.

Густая июльская тьма влилась в комнату и наполнила ее до краев, заблудившаяся тварь благодарно пискнула, на мгновение заслонила собой Большую медведицу и сгинула.

— Бабушка, а почему летучая мышь — не к добру? — спросила на следующее утро Манечка.

Полина Моисеевна, всегда подробно рассказывающая обо всем, что интересовало внука, на этот раз отвечать не захотела, пробормотала что-то по-еврейски и послала ее гулять во двор.

Маня была девочка умная, она поняла, что за этим нежеланием скрывается что-то серьезное. Но что? Задумавшись, она сделала то, что ей категорически запрещалось: вышла из ворот, миновала изрытый осколками фасад с надписью "Проверено. Мин нет", перебежала через дорогу и оказалась в парке Ильича. Пройдя мимо дедушки Сталина и дедушки Ленина, которые сидели, как влюбленной парочка, на гипсовой скамье и наблюдали за распростершейся у их ног великой страной, Манечка пролезла сквозь густые кусты и оказалась возле стены, вдоль которой лежало несколько могильных плит.

Безнадежно тоскливый рык донесся из-за стены, и девочка сочувственно вздохнула: она жалела старую, побитую молнией и желтыми слезящимися глазами. Томившиеся в клетках звери были знакомы с младенчества, и относилась она ко всем по-разному: слона, несмотря на его внешнее добродушие, опасалась, белку, бессмысленно крутившую колесо, презирала, змеями брезговала, а крошечного мартишонка, висевшего у мамы на животе, не отказалась бы иметь в качестве младшего братика, которого ее собственные родители ей никогда не обещали. Может, если бы Манечка попросила, они бы подсустились, но она молчала — стеснялась.

Ни одного вертикального памятника на могилах не сохранилось, последний разбился прошлым летом, убив насмерть соседского Павлика — мальчика оторви и брось, который бесстрашно лез всюду и везде и всю свою короткую жизнь прихотил в ссадинах, синяках, царапинах и шишках. Впрочем, это было не бесстрашие, а какое-то врожденное полное отсутствие здравого смысла. Бог знает, кем бы вырос Павлик, если бы не вскарабкался на мраморный столб, изображавший срубленное дерево. В гроб, где лежал синюшный Павлик, Маня положила собранный ею в парке букетик аптечной ромашки, и мама мальчика, первая на всей Хуторской блядь, прошептала: "Спасибо, деточка". Ромашки были призваны заглушить угрызения совести: она как-то категорически отказалась дать Павлику поиграть своим сине-красным резиновым мячиком. Судьба резинового сокровища ее теперь нисколько не волновала, она готова была отдать в исцарапанные грязные лапки

даже свою любимую куклу Маню-маленькую. Но было поздно.

Всю свою дальнейшую жизнь Марья Григорьевна героически сражалась с присущей ей жадностью, иногда одерживала победу, иногда проигрывала.

Рассматривая непонятные знаки на обломках памятника, Манечка догадалась — влетевшее в комнату существо, ползуверь, полуптица, означало смерть. Умереть, конечно же, как самая старая должна была бабушка Поля. Мысль о том, почему летучая мышь оказалась в их комнате, а не в бабушкиной, умной Манечке в голову не пришла.

Время шло, Полина Моисеевна все жила и жила. И воспоминание о ночном происшествии исчезло? Нет, не исчезло, а спряталось там, где прячутся все воспоминания, чтобы когда-нибудь выкатиться в старческую ладонь ярким сине-красным резиновым мячиком.

Бабушка умерла через пять с половиной лет, в январе пятьдесят девятого года, от рака груди. Первые признаки болезни она обнаружила вскоре после переполоха с летучей мышью. Умирала бабушка тяжело, она не выносила солнечного света, ставни были закрыты, правая рука колодой лежала поверх одеяла, и когда Манечку привели прощаться (они уже три года жили в новой квартире), она погладила ее по голове левой здоровой рукой.

Хоронили Полину Моисеевну в саване, но гроб был почему-то открыт, хотя положено, чтобы был закрыт, и кто-то чужой спросил Маню: "Хочешь увидеть бабушку?" — а кто-то другой, не менее чужой, возразил: "Пусть ребенок запомнит Полечку живой". Тем не менее, саван приоткрыли, и она увидела нечто неопределимое, никакого отношения к бабушке не имеющее, и конечно же, запомнила ее живой.

"Никто не знает, как я ее любила", — со смешанным чувством горечи и гордости думала перед сном Маня (в школе ее звали Машей). У нее была теперь своя собственная комната и, лежа на диване, она просила Бога, чтобы мама и папа не умирали и чтобы противные пупырышки, появившиеся недавно на бедрах и предплечьях, исчезли. Никто и никогда не упоминал при ней о Боге, ни как о реально существующей высшей силе, ни как об абстрактной идее, что-то такое смутно проскальзывало в подвергшихся идеологическому обрезанию сказках, написанных сыном прачки, а период запойного серьезного чтения еще не наступил. Так что вопрос о том, каким образом Маня сообразила, кому именно надо адресовать свои просьбы (оказавшиеся, кстати, совершенно невыполнимыми), остается открытым.

Первые признаки болезни Марья Григорьевна почувствовала в том же возрасте, что и Полина Моисеевна. Тайный страх, что это с ней непременно произойдет, маленьким ржавым гвоздиком сидел в ней долгие годы. Если бы не эта мерзкая железяка, она не обратила бы внимания, что уже некоторое время чувствует нечто лишнее в подмышечной ямке, а сухожилия, нервы и вены левой руки оказались как бы натянуты. Надо было идти к врачу. Марья Григорьевна не принадлежала к унылой породе вечно больных, забронированных места в поликлинике, и решила сначала сделать УЗИ — а вдруг обойдется? Но не обошлось.

УЗИстка показала ей на экране маленькое черное пятнышко, объяснила, что это воспалился лимфатический узел, и успокаивающе произнесла:

— Вы не расстраивайтесь заранее, женщина. У одной нашей врачихи было точно то же самое, никто диагноз поставить не мог, а потом оказалось, что это артрит плечевого сустава.

Выслушав этот вполне доброжелательный текст, Марья Григорьевна почувствовала спазматическую боль в области желудка, обычно в беллетристике обозначаемая словами "сердце ее сжалось".

Женщина-хирург, которой она, пы-

таясь задобрить судьбу, сунула двадцать гривен, направила ее к онкологу. Маленький, кругленький, весьма интеллигентного вида мужчина помацал брезгливо бедную подмышку, пожаловался, что его отец был главным онкологом Московской области, а вот он вынужден прозябать в районной поликлинике, и выписал бумажку, с которой следовало явиться в областную диспансер.

И завертелось. Все по полной программе: операция, облучение, химия. После операции Мария Григорьевна не смогла начать дышать. "Она же пухлая ловит!" — расслышала она сквозь еще не рассеявшийся наркозный туман крик анестезиолога и исчезла из этого мира. В другом мире был не ноябрь, а май, она стояла в своей комнате на втором этаже деревенского дома и смотрела на мумифицированное тельце воробья, лежащее на полу возле ее кровати. Окно было закрыто.

После двадцати четырех сеансов радиологии удачливая Марья Григорьевна получила ожог в неудачном месте — все в той же подмышечной ямке. Химиотерапия тоже не обошлась без приключений (впрочем, это удовольствие редко обходится без приключений). Во время первой капельницы началась пирогенная реакция: стало очень жарко, руки и ноги утратили связь с центром, который управлял их движениями, и самопроизвольно задержались. Муженек побегал за медсестрой Наташей. "Такое бывает. Но редко. Наверное, физраствор плохой попался", — сказала накрахмаленная Наташа и убежала. Соседка по палате, в надвинутой по самые брови хустынке, налила из своего термоса настой из какой-то пахучей травы, и Марья Григорьевна, стуча зубами о край чашки, стала пить его маленькими глотками. Горячая жидкость как-то уж слишком быстро достигла последнего пункта назначения в организме, и она прошептала мужу: "Хватит".

Следующие полчаса были посвящены сражению со стыдливостью: мочевого пузыря распирало все больше и больше. Это весьма неприятное ощущение сменилось просто ужасным — внезапно очень сильно заболела поясница. Муженек побегал за медсестрой Наташей. "Удар по почкам. Химия-то у вас красная", — исчерпывающе объяснила Наташа и убежала. Приступ почечной колики кончился так же внезапно, как и начался, зато мочевого пузыря определенно собрался лопнуть. Лежать мокрой не хотелось. Скривившись от мучительной неловкости, она злым голосом прошипела: "Писать очень хочется". Муженек, впервые исполнявший супружеский долг, несколько отличающийся от обычного, заснул утку выше, чем требовалось, — не рассчитал. Оставшиеся несколько часов все же пришлось лежать мокрой.

На двадцать первый день после первой химии начали выпадать волосы. Предупрежденная Марья Григорьевна представляла себе процесс облысения иначе: она думала, что проснувшись одним вечером не прекрасным утром, обнаружит все свои крашенные негустые, но вполне ее устраивающие волосы на подушке. Не тут то было. Они покидали голову неохотно, и через месяц отдельные пряди в отдельных местах все еще наблюдались.

— Немедленно срезать! — приказала Вадимовна, царь и бог отделения лекарственной терапии. — У меня была пациентка, восемнадцатилетняя девушка, так у нее было двадцать три химии. Она говорила, что согласна перенести все что угодно, только бы жить. Какие у нее выросли роскошные кудрявые волосы — все подруги обзавидовались!

Идти к любимой парикмахерше Светочке было немислимо, но в больнице оказалась своя парикмахерская, и очень милая толстушка сбрила машинкой оставшуюся жухлую, как прошлогодняя трава, растительность.

— С вещами на выход! Я — Котовский! — радостно завопил, увидев мамашу, обожаемый сынок. И Мария Григорьевна заржала.

Все оказалось не так уж страшно.

Химий было всего четыре, разные мелочи типа стоматита, гнояных ран от ожога, томительных, несовместимых со сном болей в здоровой груди и позвоночнике можно было пережить. Зато удивительно повезло: почти не тошнило, депрессия, неизбежная при этом лечении, случилась какая-то хилая, и ее почти удавалось заглушить вернувшимся из юности запойным чтением. Книгами снабжали наконец-то допущенные к телу подружки, и даже давно уехавшая семейная пара из их старой компании прислала никем еще не читанный "Код да Винчи", само собой, на английском языке.

Судьба, жалеющая продемонстрировать, что в этой жизни плохое и хорошее стануло в один узел, послала Марью Григорьевну кроме болезни еще один подарок: изменившееся отношение мужа. И не то что бы он пил, бил, по бабам бегал, упаси Боже, такие страсти-мордасти к их семье никакого отношения не имели, но вот с общением были проблемы. Доверительные беседы, обсуждения книг и фильмов, особенные ночные разговоры, сближающие большие других ночных дел, — все это постепенно исчезло. Остались фразы: "Иди кушать" и "Перестань храпеть", диалоги стали короткими: "Ты заплатил за телефон?" — "Нет". — "Так отключат же!". Четвертая реплика окольцованым полотно, а остальные пусть остаются в счастливом неведении.

Они давно уже понимали друг друга без слов, сознание говорило, что это нормально и даже хорошо, но глупое нестарееющее сердце просило телесных нежностей. Казалось, что муженек то ли окончательно очерствел, то ли окончательно ушел в себя, то ли одно из двух. Оказалось, что только казалось.

Она вновь стала Манечкой, ее кормили вкусеньким, водили гулять к зимнему, такому любимому и прекрасному морю и велели держаться крепче, чтобы, не дай Бог, не поскользнуться. Манечка вспоминала, как еще до замужества они смотрели "А зори здесь тихие" и крепко-крепко держались за руки, как он часами прятался за стволом акации на другой стороне улицы, когда ее родители запретили ей с ним встречаться, какие глупые и глупостные, казавшиеся им ужасно смешными стишки сочиняли они вместе.

И Марья Григорьевна чувствовала... Что? Радость? Благодарность? А фиг вам! Она никак не могла взять в толк, почему любовь надо было так далеко прятать и продемонстрировать только по поводу рака груди. А еще считала себя умной...

Чем лучше становилось Марье Григорьевне, тем меньше знаков внимания ей доставалось. И вот, получив вторую группу инвалидности, она вышла на работу, делала базар, готовила, убирала. Все стало как прежде, за исключением исчезнувшей части тела, и еще маленький ржавый гвоздик превратился в сверкающую стальную иглу, похоже, ту, которая из ларца да яйца. О груди она грустила не очень, во всяком случае, гораздо меньше, чем семидесятилетняя соседка по палате, плакавшая горькими женскими слезами: "Сися моя, сися, зачем тебя отрезали?"

Прошло три года. С начала апреля Марья Григорьевна стала ездить в деревню — любоваться цветущими деревьями. Муженек сажал огород. В доме было холодно, и окна не открывались. Тем не менее, в один из приездов она обнаружила сидящую на подоконнике юную ласточку, для которой в русском языке нет специального слова, а в украинском есть "ластівеня". Мария Григорьевна толкнула раму, взяла обалдевшую птичку двумя пальцами, но не просто так, а через занавеску, и выпустила на волю. Иголка, засевшая в сером веществе, резко дернулась и произвела весьма болезненный точечный укол. Как там пишут в романах: "Догадка молнией блеснула у нее в мозгу"?

Действительно что-то такое свернуло, и она вновь увидела деревянный воробыный трупик, который был, несомненно, предупреждением, правда, заблудившимся во временах и мирах.

За окном оглушительно чирикали скандальные воробы, ласточки чертили в небе сложные геометрические фигуры, пыльные жаворонки то прыгали по разбитой дороге, ведущей к лиману, то исчезали в звенящей тугой синеве, дятел сосредоточенно долбил ствол старой шелковицы, красавец-удод гордо скакал по коньку крыши, неведомо откуда явилась даже иволга, то ли из москальской средней полосы, то ли напрямик из песни.

И все эти, блин, птички норавли естественным и сверхъестественным путем проникнуть во внутреннее, такое уютное и обжитое пространство, чтобы напомнить о бренности бытия. Или по-простому, по-народному, без эвфемизмов, о смерти. Может быть, скорой. И вполне может быть — мучительной.

Выход был, и очень простой: вставить сетку. Но на том месте, где сетка зимовала, ее не было. Нашлась она часа через два в мастерской. Состояние оказалось нерабочее — ячеистое полотно оторвалось от некрашенных планок и готово было пропустить не только желательный воздух, но и нежелательных крылатых гостей.

На первую просьбу о помощи муж прореагировал так, как реагируют мужчины всех национальностей и возрастов:

— Что, прямо сейчас?

— Парни, парни, это в наших силах, — отчаянно фальшивая, но как положено, громко и бодро пропела она и отстала.

Вторую просьбу Мария Григорьевна, обогащенная солидным опытом семейной жизни, высказала в следующий приезд — через неделю, на что получила ответ, общее содержание которого сводилось к тому, что мух еще нет.

В своей любимой комнатке она чувствовала себя теперь узницей. Темница, правда, была вполне сухая, зато воздух...

— Это разве воздух? — спрашивала она у себя самой, и сама же себе отвечала: — Это кисель! И притом прокисший.

Тон третьей просьбы, одновременно и жалобный, и угрожающий, заставил мужа-рыбу вынырнуть из темных вод и поинтересоваться причиной такой настойчивости, навязчивости, прилипчивости.

— Я тебе потом объясню, — неопределенно пообещала супруга.

О чем она могла ему рассказать? О том, как ей страшно? К тому же, высказанные мысли материализуются. Нет, никак, никак нельзя было ничего объяснить самому близкому в мире человеку, и она смолчала. Наверное, это было ошибкой. Вынесенные на свет божий страхи, может, и становятся явью, зато не вынесенные — сжирают изнутри. Не можете сказать, так плачьте, рыдайте, ревите белугой. Облегчите душу.

Марья Григорьевна, считавшая вполне естественным свое внешнее спокойствие перед операцией, была поражена, когда следующим утром забежавший в палату анестезиолог сказал:

— Поплакать надо было перед операцией, поплакать. Загнала свои чувства внутрь, вот и задыхать не могла. Испугала в усмерть.

Оказалось, что мужество может быть вредным для здоровья. К тому же, было стыдно за доставленные врачу лишние хлопоты.

Сетку починил сосед. То, что чужие просьбы исполняются гораздо быстрее, чем просьбы родных, — это такой же закон природы, как и закон всемирного тяготения.

Комната уже не казалась клеткой, погода установилась, можно было читать на воздухе, выйти за калитку и сорвать белянский, цепляющийся за траву пахнущий летом выюнок.

За огородами открывался лиман, кручи, и огромные, постоянные меняющие форму облака отражались в сонной воде, мир был одновременно пуст и наполнен, и так прекрасен, что начинало ципать в глазах. Слезы, которые никак не желали пролиться по другим поводам, вызывала у нее красота.

Только бы жить на этом свете.

Люсьен ДУЛЬФАН

Путевые заметки натуралиста

Пишу я, может, коряво, но правдиво.
А.М. Зоркий

Путешествие вдоль берегов Карибского моря началось с посадки на огромный океанский лайнер. Длинная очередь, как змея, рядов в десять, а может, и двадцать. На дворе последний день декабря. Холодно. Публика разная: афроамериканцы, испаноязычные, французы, шведы. Много колясок с детьми, огромные чемоданы. Несколько другая публика вкраплена в очередь, приблизительно одного возраста и одного темперамента. Они нервничают, махают (именно махают, не машут) руками, выразительно жестикуют, громко разговаривают и очень плотно, как монолит, жмутся друг к другу. Со стороны можно подумать, что это дети Рема и Ромула, и они говорят на языке Данте и Петрарки.

Нет и еще раз нет! Это мы с вами, это "наши". Зрители и участники КВН. Каждый второй — Жванецкий, Карцев и Ильченко. Время от времени один из наших выскакивает из очереди и кричит: "Роза, беги сюда, тут меньше людей!". Или: "Сеня, быстро бери детей и беги в эту дверь, тут для членов экипажа!" — "Я не знал, что ты плаваешь капитаном!" — "Я плаваю второй раз, и у меня значок "мэмбэра".

Пока я стоял в очереди с точно таким же значком, наши уже устроились с вилками на корабле. Но самое интересное впереди. Постараюсь быть снисходительным, учитывая их тяжелое детство и неудовлетворительное отрочество. Во-первых, их было очень, очень много, "иностранцев" тоже было немало, но они как бы были в гостях у наших. Причем в некоторых местах наши, включая меня, были все, в других местах наших было немного или совсем не было. Где было платно, за "валюту", наших было мало, где бы-

ло вкусно, много и бесплатно, мы были все там! В барах, платных ресторанах, библиотеках, спортивных залах с тяжелыми гириями и черными крутящимися машинами я их не видел. Правда, зашел один по ошибке, сел на черного спортивного козла, вынул телефон и стал очень страстно и убедительно объяснять, что "бухала" очень много, пронесли либо в женских сапогах либо в детских колясках, так что жажды не будет.

Как начинался день у наших. Как только высохал свежесмытый пол в столовых, наши стремительно стройными рядами занимали круговую оборону: накладывали на огромные тарелки все. Особенно, с большим уважением, относились к некошерной пище, потом шел кошер: рыба, птица, средиземноморские дела — сардины, анчоус, спаржа, цветная капуста, баклажаны... Потом шли разносолы, масла, турецкие баклажаны и т.д. Все поливалось тремя-четырьмя сортами соусов и сверху, как мазок живописи, апофеоз — кетчуп! Как тяжело груженная углем баржа на одесском рейде переваливалась с волны на волну, так они двигались к столам. Дальше шло творчество скульптора: все резалось, расчленялось, накалывалось, рубилось, подхватывалось — гимн, ода солнцу! Где взять перо бессмертного Рабле с его героями Гаргантюа и Пантагрюэлем? Причем несколько раз возвращались к полкам с заморскими яствами: мясо-рыбно-молочно-фруктово-ягодные ряды пустыли.

Закроем книгу нашего детства, "Книгу о вкусной и здоровой пище".

Дальше события развивались столь же стремительно. Наши запускали деток с охапками полотенец занимать топчаны ближе и бассейну. Заняв все топчаны и поймав неодобрительные взгляды иностранцев, говорили: "Ну, наши проспали, так что им, стоять?". Потом опускали свои тела на заранее

купленные места, придерживая другой рукой соседний топчан, а некоторые умудрялись еще прихватить ногой столик с... едой. Помолоче занимали бетонные берега бассейна, свешивая ноги, давая понять иностранцам, что они тоже могут окунуться. Наши дамы плавали в кокетливых шляпках с цветами... Не забывайте, что божественное тепло тропического моря растеклось, как запах акаций в одном южном городе...

"Ну, так они развеются?" — без интереса спросил наш нашего, в длинных модных трусах от Диора. На расстоянии двадцать метров из воды высунулась голова и ответила: "Ты знаешь, моя "Хонда" — говно, я просто замучился с этим флянцем карданного вала", — ответил на вопрос наш. Издалека доносилось: "Вы знаете, она просто б..., пододит ко мне и по-английски (это официантка) говорит, чтобы я подобрал окурки, а я ей по-русски..."

Одним словом, праздник продолжается. Молодежь живет параллельной жизнью, танцует, читает книги, носит свои стройные тела на загорелых ногах. Но что это потянуло дымком, запахло мясом... Наши, будучи обладателями более острого нюха, расширили ноздри. Дым настойчиво, провокационно стал шкелотать обоняние. Видение первобытных стоянок, образы людей в шкурах...

Пока я задумчиво предавался воспоминаниям о временах неолита, все наши, включая грудных младенцев, уже жевали, ели шашлык, гамбургеры, сосиски, жаркое, жареную картошку тоже ели, но исключительно из большого одолжения ей.

В это время неостребованные топчаны, оккупированные нашими, напрасно ждали посетителей, как невесты ждут не дожидутся женихов.

Перейдем к интертейнменту, к развлечениям. Театр: если шумно, кан-кан, мыльная опера, фокусы, джаз и т.д., все наши на лучших

местах: "Додик, ты был вчера в театре?" — "А что я там потерял? Они говорят, тоска".

Водные процедуры, платные. Джакузи, финская сауна, русская парная, огромный теплый бассейн, мягкие топчаны, тихо, время отдыха и медитации. Наши, не заплатив ни копейки, то есть ни цента, все там. Говорят громко, парятся громко, деловые разговоры — громко. Бухарско-русскоговорящие поместились все семнадцать человек в джакузи: тесно, но бесплатно. Одесско-русскоговорящие жалуются, что в парной можно замерзнуть. Один иностранец засунул нос в парную и выскочил с ушами в виде "умэн-таша", свернутыми от жары. "Да, сюда бы Провиантскую с цементным полом", — услышал я отрывок разговора. Вечером наши смешались с испаноязычными: все в черном с золотом от Кардена и Диора.

Караоке. Наша, смелая, вышла на сцену, взяла микрофон. Ни слуха, ни голоса. Пыталась петь "Подмосковные вечера" — забыла все слова. Моя жена поднесла кулак к моему красному носу цвета свеклы (тропики) и прошептала: "Откроешь рот — плохо будет, может, она Зыкина". Я бочком отскочил от дорогой подружки жизни, подошел к незнакомому афроамериканцу, хлопнул его по плечу. Он удивленно обернулся, я положил голову с выражением скорби на лице, давая понять, что так жить больше нельзя, и выразительно показал глазами на нашу певицу. Он прыснул, тактично прикрыл рот рукою. Мы обнялись, как братья по несчастью.

Нью-Йорк. Январь 2007.

Александр ТЮРЮМИН

Пейзаж XIX — начала XX вв.

Недостаток экспозиционных площадей — проблема всех известных музеев. Даже такие собрания, как парижский Лувр и петербургский Эрмитаж, обладающие сотнями несопоставимых с другими музеями залов, могут показать только около десяти процентов своих коллекций. И с годами эти проблемы усугубляются.

И тем не менее, музеи продолжают собирательскую работу. Они работают на историю. Именно хорошему собранию всегда чего-то не хватает. Либо конкретного мастера, отсутствующего в коллекции, но оставившего заметный след в искусстве, либо работ, дополняющих в чем-то уже имеющуюся монографическую коллекцию.

Но работы не должны лежать десятилетиями в хранилище, ожидая своего места в постоянной экспозиции. В Одесском художественном музее выставки из фондов — давняя традиция. Коллекция, собранная несколькими поколениями сотрудников на протяжении ста лет, позволяет ежегодно открывать самые разные выставки. Достаточно вспомнить лишь некоторые из них — по направлениям: "Академическая живопись", "Творчество южнорусских художников", "Общество им. К. Костанди"; по периодам: "Русское искусство II половины XIX века", "Советское искусство 30-х — 50-х годов"; по жанрам: "Портрет и автопортрет в творчестве одесских художников второй половины XX века". И это не считая многочисленных монографических выставок из собрания музея.

На этот раз был выбран пейзаж. При подготовке экспозиции выяснилось, что качественных работ в фондах гораздо больше, чем на одну экспозицию. Было решено ограни-

читься периодом XIX — начала XX веков, а XX в. показать в следующем году.

Пейзаж лишь на первый взгляд однороден. В нем есть свои поджанры: чистый, городской, индустриальный, марина.

Маринистика на выставке открывается работой выдающегося мастера жанра Айвазовского. Ничем не уступает по качеству работам, представленным в экспозиции, картина блестящего мастера Боголюбова. Среди работ академического направления выделяются работы Врублевского "Двор костела", Шильдера "Закат в лесу", Клодта "Безмятежный покой" и "Пейзаж с деревьями", Мещерского "Зимний пейзаж".

Творчество художников-передвижников представлено такими именами, как Саврасов, Шишкин.

Коровин, Поленов, Петровичев — основатели Союза русских художников, замечательные мастера, давшие новый импульс не только русскому пейзажу. Утонченное мастерство, новую эстетику объединения "Мир искусства" как никто другой утвердил Сомов.

На выставке представлены все корифеи одесской живописной школы — Товарищество южнорусских художников, внесшие в отечественный пейзаж очень значительный и до сегодняшнего дня еще недостаточно оцененный вклад. Перечислять их имена нет смысла — это половина экспозиции.

Пейзаж — наиболее эмоциональный жанр живописи. Тем не менее, он требует длительного рассматривания. Ведь художник видит в поразившем его мотиве такие нюансы, которых мы обычно не видим.

Словами они не передаются. Надо прийти в музей и смотреть подлинники.

Семен Ефимович Ванетик (р. 1924 г.) попал в Одессу после войны. Учился в институте связи и именно в одесские годы начал писать лирические стихи — почему и считает себя одесситом. Сейчас живет в Ставрополе. Выпустил семь сборников иронических и лирических стихов, миниатюр и эпиграмм, многократно публиковался в столичной периодике.

Семен ВАНЕТИК

СТИХОТВОРЕНИЯ

Развенчания

— Позади эпоха умолчаний,
Наступил период развенчаний.
Памятники ежатся, сутулятся,
И своих имен стыдятся улицы.
Проступают сквозь пласты годов
Старые названия городов.
За горячим следом холодный душ.
Не бесследно это все для душ.
Говорили: "Совесть, ум и честь!" —
А теперь ее готовы съесть.
Кто же говорил? Она сама,
От себя, любимой, без ума.
Бедные доверчивые души
Нынче не спешат развесить уши.

Разделение властей

— Мы жить привыкли при единовластии,
И вот вам: разделение властей.
Какая же из четырех зубастее?
В чью пасть попасть — не унести костей?
— Не бойся, не до нас им, дорогой!
Они грызутся рьяно меж собой.

Роману Карцеву

Хоть успешно выступал Роман,
Был недолгим с Райкиным роман.
Со Жванецким Карцев дольше, да,
Но зато с Одессой навсегда.

Никите

Богословскому

Его мотивы распевали,
Умно и весело шутили,
И все сатирики вставали,
Когда в пивную он входил.

Ценности

(Из Гете)

— Цени здоровье, соплеменник!
Оно превыше всех даров.
— Здоровый человек без денег
Наполовину нездоров!

Верный признак

В прессе по мере ее пожелтения
Реже встречаются стихотворения.

Не все пропало

Все переменялось, все на новый лад!
Не грусти, приятель: сохранился бла!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Умер Женья Лапейко. Больно. Больно и пусто. Собственно, почему "Женья"? — Евгений Александрович Лапейко. Нет, все-таки Женья, и даже — Жека. Потому что именно так и только так все эти 55 лет называли его друзья и знакомые, независимо от своего возраста, а было их больше половины города и еще столько же за пределами Одессы.

Кто же он такой был — Женья Лапейко?

Музыкант и композитор. Лидер рок-группы "Провинция". Один из основателей Одесского рок-клуба и рок-фестиваля "Пикейные жилеты" памяти своего друга Игоря Ганкевича. Создатель и руководитель струнного оркестра "Yesterday". Автор десятка опер и балетов. И еще множества песен, среди которых есть настоящие шедевры. В одесских театрах сейчас идут его музыкальные спектакли "Ромео и Джульетта", "Вий", "Степан Разин", замечательный детский мюзикл "Пеппи". А первый спектакль на Женину музыку "Девушка и смерть" вышел на одесскую сцену еще лет 30 назад. Ныне же его музыкальные спектакли смотрят зрители Украины и России. Он писал музыку на стихи Пушкина и Шекспира, и никому не приходило в голову сказать, что уровень музыки не соответствует уровню поэзии.

А еще Женья долгие годы был нашим музыкальным руководителем. Нашим — это команды КВН Джентльменов Одесского университета, где мне и выпало счастье с ним познакомиться. Так что, музыкант и композитор Евгений Лапейко — еще и чемпион КВН СССР, обладатель Суперкубка Чемпионов...

Но для людей, знавших Женью, все это, все, что он сделал и чего сделать не успел, как ни странно, далеко не главное. Прежде всего, Женья Лапейко — замечательный, удивительный человек.

У нас как-то совсем "затерли" от слишком частого употребления слово "нравственность", но это как раз о нем. Может быть, это удивит тех, кто знал Женью не очень близко, кто был знаком с ним только шапочно: толстый, бородатый, пьющий старый рокер — и вдруг — "нравственность". Но это было именно так. В сложных жизненных ситуациях, когда не знаешь, как правильно по-человечески поступить, всегда можно было поговорить с ним.

Один из друзей сказал о Жене, наверное, грубовато, но верно: "К нему г... не липнет". И в самом деле, все то изрядное количество всякой дряни, которое было в нашей жизни в минувшие времена, и уж никак не меньшее ее количество времен сегодняшних — обо все это Женья умудрился не запачкаться никак и ничем, а ведь это не удалось практически никому. Зато к самому Жене так и "липли" все, кому довелось с ним познакомиться. Это тот уникальный случай, когда все, кто знал этого человека, его еще и любили. Никогда не стремившийся к лидерству, к "руководящей и направляющей роли" (ему это было несвойственно просто органически), Женья, тем не менее, всегда оказывался и душой компании, которая собиралась именно вокруг него, и главным мотором в работе и в творчестве.

Не знаю, может быть, это просто мне не так повезло в жизни, но человека такого качества "человечности" я не встречал почти никогда.

Сколько всего связано с ним — радостного и печального, грустного и смешного! Просто сейчас еще не пришло время все это вспоминать.

Можно было не видеть Женью подолгу — просто знать, что он есть. Была у него одна из многочисленных присказок — при знакомстве на вопрос "Как тебя можно найти?" Жека

часто отшучивался: "Очень просто. Нужно выйти на Дерибасовскую, постоять минут десять, и я обязательно пройду". ...Теперь его уже не встретить больше на улице. Никогда. Все больше и больше пустеет наш город.

И все-таки, музыка Жени звучит в спектаклях и песнях. Ждет своей постановки рок-опера "Нить Ариадны" на стихи Марины Цветаевой. Хочется верить, что удастся собрать Женину музыку и выпустить ее на дисках.

Уроженец уже не существующего старого Круглого дома на Греческой площади, Женья

был одной из самых ярких личностей Одессы. Личностью огромной, мощной, но не в силу своего напора или харизмы, а только из-за души и таланта.

Есть люди, которые в нашем городе просто живут. А есть те, на которых наш город держится. Таких меньше. Женья Лапейко как раз из таких. Был...

Мир праху его. Пусть душа его обретет покой.

Всеволод ЛЮМКИС.

ИЗ ОДЕССЫ В ПАРИЖ С ФОТОСНИМКАМИ АБХАЗИИ

Молодая одесская фотохудожница Яна Зеркалова побывала в Париже, приняла участие в проекте четвертой сессии школы "Эколь Соваж". Организатор вечера искусств композитор Камиль Чалаев связан с Одессой кровно — его дед Яков Каплун и бабушка Фима Лебединская учились в Одесском муздрамине. И вот спустя много лет (в этом году Якову Каплуну исполнилось бы сто лет) Камиль побывал на родине предков. Здесь он познакомился с Яной Зеркаловой — и как с фотохудожницей, и как ученицей по философии танца. Ее снимки, сделанные в разрушенной Абхазии, в бывшем бабушкином доме, куда Яна вернулась после 17 лет разлуки со своей "малой родиной", произвели на композитора Камилля Чалаева и его жену хореографа Сабину сильное впечатление. И они пригласили Яну в Париж для участия в их проекте, где фото соседствовало с музыкой, танец — с живописью.

Показ "Черной серии" Яны Зеркаловой прошел в Доме ассоциации 7-го округа Парижа. Опыт был воспринят как удача. И теперь Новая свободная академия (президент Нина Константиновна Рауш фон Траубенберг) ищет возможности для приглашения фотохудожницы Яны Зеркаловой на годичную стажировку в Париж.

Снимки, которые Яна Зеркалова сделала в Париже в 2007 году, в мае будут экспонироваться в ресторане "Кларабара" (Городской сад).

Париж всегда Париж

Встреча в Париже

Памяти друга

Есть люди, которые олицетворяют собой Одессу. Где бы они ни жили — в них биение сердца Одессы.

Из Германии пришло печальное известие — умер Додик Макаревский. Нет, не инженер завода "Ветинструмент" Давид Яковлевич Макаревский, а просто Додик — на все времена.

В памяти Одессы он остался жить — в спектаклях "Парнаса-2", "Комедиума", в КВНе и "Юморирах", остался жить как артист высокой пробы, одессит.

Чуть больше года тому назад, поздравляя Макаревского с 70-летием, Михаил Жванецкий писал:

"Додик Макаревский! 19 февраля для нас было всегда большим, чем ты". Это праздник города, праздник всей Одессы. Твое место там уникально. Хотел ты или нет. Тебя знают все — зрители, артисты, кое-какие кастрированные животные, то есть все, кто любит юмор, море, трамвай, ветинструмент, оперетту, Парнас, влажный ветер и лебедей в морской воде. Ты заслужил этот город, этот праздник, этих друзей..."

Добавить, что Додик был членом Всемирного клуба одесситов? Это так естественно. Теперь — без него — мы все должны выполнять все то, что он мог бы нам завещать. Главное: любить Одессу больше, чем себя.

Трудно прощаться с олицетворением города, его душой. Но когда пришлось, нужно ясно понимать: его ношу мы должны взвалить на себя. Беречь его жену Люсю, беречь Одессу, беречь память о ярком и мудром человеке — Давиде Макаревском.

Вице-президенты
Всемирного клуба одесситов
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ,
Валерий ХАИТ.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 77-33-705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в типографии "СІЧ".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.